ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ЗАКОНЪ.

КЪ ИСТОЛКОВАНІЮ ПРИНЦИПА ЭТИКИ.

Статья проф. Г. Зиммеля (Страсбургъ).

Для Канта понятія закона и всеобщности связаны между собой самоочевиднымъ, логически необходимымъ образомъ. На этомъ покоится его толкованіе нравственныхъ явленій. Вѣдь законъ долженъ именно для любого конкретнаго индивида обладать значимостью, именно его опредѣлять; слѣдовательно, онъ не можетъ, въ свою очередь, опредѣляться имъ, но необходимо противостоитъ ему именно какъ нѣчто неиндивидуальное, общезначимое. Внутреннюю структуру этого типа мышленія можно представить слѣдующимъ образомъ.

Въ основѣ его лежитъ индивидуальный характеръ всякой душевной дѣйствительности, являющейся конкретной носительницей практической цѣнности. Подобно тому какъ любой кусокъ матеріи по своему бытію абсолютно единственъ (ибо пространство, которое онъ заполняетъ своимъ бытіемъ, существуетъ, какъ это, лишь одинъ разъ, и лишь форма его можетъ быть всеобщей, т.-е. можетъ раздѣляться съ другими), точно такъ же и любое душевное бытіе, какъ таковое, можетъ существовать лишь однажды, хотя опредѣленія его и могутъ повторяться въ другихъ случаяхъ душевнаго бытія: то обстоятельство, что цѣлокупность міра, по самому понятію своему, существуетъ лишь однажды, неизбѣжно повторяется въ каждой ея части. Этотъ (болѣе или менѣе ясный) взглядъ, что все дѣйствительное въ этомъ смыслѣ индивидуально, побуждаетъ къ обратному утвержденію: все индивидуальное только дѣйствительно; т.-е. недѣйствительное, долженствующее, идеальное не можетъ быть индивидуальнымъ, слѣдовательно, необходимо должно быть всеобщимъ. Это, можетъ быть, и правильно, но упомянутое обращеніе, логически не необходимое, этого еще не доказываетъ. «Никогда не велятъ никому того, чего онъ самъ по себѣ уже необходимо хочетъ». Хотя мотивъ этотъ у Канта непосредственно касается только стремленія къ счастью, на самомъ дѣлѣ, однако, онъ обосновываетъ

всю его этику. Данная дѣйствительность, не только какъ формальный фактъ существованія, но также какъ качественное содержаніе, не можетъ быть одновременно предметомъ «велѣнія», потому что это повело бы не только къ безсмысленному удвоенію міра на подобіе того, которое Аристотель приписываетъ Платонову ученію объ идеяхъ, но также къ безсмысленному отождествленію дѣйствительнаго и идеальнаго, которое вѣдь должно еще только стать дѣйствительнымъ. Если все дѣйствительное индивидуально, то идеальное необходимо должно быть всеобщимъ, если все индивидуальное только дѣйствительно, то оно не можетъ быть въ одно и то же время сверхдѣйствительнымъ, не можетъ быть идеальнымъ требованіемъ закона.

Это отношеніе между закономъ и всеобщностью получаетъ свое подтвержденіе еще съ другой стороны: здѣсь, правда, оно реализуется сначала въ теоретическомъ и для этическаго отношенія лишь символическомъ смыслѣ. Содержаніе общаго понятія, обозначающаго конкретную вещь, включаетъ въ себя лишь нѣкоторыя части, стороны, опредѣленія вещи; очень много другихъ, однако, всю индивидуальную конфигурацію, все то въ вещи, что либо относится къ другимъ понятіямъ, либо вообще невыразимо въ понятіи, понятіе совершенно опускаетъ изъ своего содержанія. И все же—что именно и замѣчательно—понятіе обладаетъ значимостью для всей вещи, въ ея цѣлостности, для ея единства, включая всѣ не затронутыя понятіемъ опредѣленія. Мыслить это можно только такимъ образомъ, что понятіе есть какъ бы скелетъ, идеальная схема, къ которой прирастаютъ всѣ эти индивидуальныя части или опредѣленія, внутренняя форма, которая сцѣпляетъ и держитъ въ себѣ всѣ лежащіе въ объемѣ вещи элементы. Понятіе не есть только логическій минимумъ вещи, содержащій въ себѣ тѣ признаки, которыми во всякомъ случаѣ должна отличаться вещь, чтобы упрочить за собой какое-нибудь опредѣленное значеніе; но оно обладаетъ также тѣмъ функціональнымъ смысломъ, въ силу котораго оно налагаетъ опредѣленную форму на всѣ остальные элементы или, вѣрнѣе, на всю совокупность реальныхъ элементовъ вещи,— форму, чрезъ которую могутъ циркулировать весьма разнообразныя части дѣйствительности. Цѣлокупности (индивидуальныя вещи, стоящія подъ однимъ и тѣмъ же понятіемъ) могутъ поэтому выглядѣть весьма различно, но онѣ всѣ въ равной мѣрѣ подчинены одной и той же несбходимости, предписывающей имъ какую-нибудь опредѣленную связь и порядокъ, ограниченіе и развитіе. Итакъ, каждый изъ конкретныхъ элементовъ въ отдѣльности можетъ опредѣляться и приводиться въ движеніе динамическп или какимъ-нибудь внѣшнимъ образомъ,—тѣмъ, что они образуютъ вещь, относящуюся къ какому-нибудь опредѣленному понятію, на нихъ

этимъ именно понятіемъ наложенъ законъ, выражающій общую форму любого множества вещей, образующихъ въ силу названной индивидуальности своихъ составныхъ частей различныя цѣлокупности. Съ точки же зрѣнія содержанія, только тѣ части или опредѣленія вещи, которыя составляютъ ея логическій минимумъ, т.-е. образуютъ признаки ея общаго понятія, обладаютъ непосредственнымъ, реальнымъ (бытійнымъ) отношеніемъ къ понятію; ко всѣмъ остальнымъ понятіе это стоитъ не въ конститутивномъ, но только въ нормативномъ отношеніи; относительно нихъ, и поэтому также относительно цѣлокупности элементовъ, вещь существуетъ не такъ, какъ понятіе, но элементы эти должны лишь подчиняться идеальной формѣ, имъ выражаемой (или одной изъ многихъ формъ, подъ которыя, какъ подъ понятія, можетъ быть подведена вещь), если они вообще должны составлять «вещь». Итакъ, понятіе обладаетъ всеобщностью, поскольку оно есть формирующій, или образующій вещь, законъ, проходящій сквозь всѣ отдѣльныя свои, въ остальномъ произвольно рознящіяся между собой, осуществленія. Возможно, что чувство совершенно неопредѣленной и общей связи между понятіями всеобщности и закона служитъ фундаментомъ для извѣстныхъ этическихъ схемъ, долженствующихъ посредствомъ отношенія между индивидуальными и всеобщими факторами разрѣшить трудную проблему: откуда вообще получается долженствованіе? Если на долженствованіе не смотрѣть, какъ на первичную, координированную съ бытіемъ категорію, если, напротивъ, въ бытіи видѣть послѣдній и единственный корень также и всѣхъ идеальныхъ образованій, то тогда, пожалуй, возможно превратить долженствованіе какъ таковое, со стороны его формы, въ слѣдствіе или, вѣрнѣе, въ выраженіе извѣстныхъ бытійныхъ отношеній эмпирическаго или метафизическаго рода. Такъ, напр., надъ темной и недостаточной сферой эмпирическихъ единичностей высится царство идей, содержащихъ въ себѣ и излучающихъ изъ себя подлинное бытіе; и это реальное отношеніе непосредственно означало долженствованіе, имѣло значеніе требованія, обращеннаго къ индивидуальной жизни,—требованія выразить въ себѣ всеобщую идею. Или: существуетъ божественная сила, которая, какъ объемлющая цѣлый міръ всеобщность, возвышается надъ всѣмъ единичнымъ, будь то какъ ens perfectissimum или какъ substantia, какъ начало творенія или какъ coincidentia oppositorum. Такъ какъ она—мѣсто и источникъ всѣхъ цѣнностей, человѣкъ же обладаетъ способностью приближаться къ ней или отпадать отъ нея, то изъ этого основного метафизическаго отношенія не только вытекаютъ опредѣленныя велѣнія, или заповѣди, но имъ, такъ сказать, формально утверждается, что по отношенію къ безусловно всеобщему началу индивидъ вообще находится

въ положеніи долженствованія. Или: индивидъ окруженъ обществомъ, въ единствѣ котораго парализовано все индивидуальное, тогда какъ, съ другой стороны, жизнь этого общества проникаетъ собою насквозь всякаго индивида, оставляя ему лишь самостоятельность обладающаго отдѣльнымъ движеніемъ органическаго члена по отношенію къ единому тѣлесному цѣлому. Этимъ не только дается тотъ или иной отдѣльный видъ долга, но долженствованіе вообще есть лишь имя для практическаго аспекта, которымъ обладаетъ для индивида это отношеніе. Итакъ, повсюду, гдѣ какое-нибудь конкретное единство является всеобщимъ по отношенію къ конкретному индивиду, гдѣ этотъ послѣдній превышается, охватывается, питается первымъ, не утрачивая однако при этомъ своего специфическаго характера, способности къ самопроизвольному и относительно цѣлостному бытію,—во всѣхъ этихъ случахъ долженствованіе выражаетъ какъ бы напряженіе, существующее между обоими этими реальными факторами; этимъ еще не опредѣляется содержаніе долженствованія, т.-е. что̀ именно должно быть, но лишь общая характеристика и положеніе существа, стоящаго подъ двойнымъ условіемъ: быть индивидомъ и въ то же время быть подчиненнымъ всеобщему началу. Такому индивидуальному бытію имманентно существованіе для него закона (все равно, какого содержанія).

Все это, повидимому, указываетъ на существованіе внутренней связи между всеобщностью, какъ таковой, и закономъ долженствованія,—связи, которую Кантъ усилилъ до логической необходимости, до утвержденія, что индивидуальному, какъ только дѣйствительному, нѣтъ мѣста въ идеальномъ требованіи, и что это послѣднее поэтому можетъ имѣть лишь форму всеобщаго закона. Но вся эта связь понятій тотчасъ же становится спорной, если только уяснить себѣ, что противоположность дѣйствительнаго и долженствующаго, какъ бы радикальна она ни была, все же, подобно всякой противоположности, охватываетъ лишь нѣкоторыя стороны всего дѣйствительнаго и всего идеальнаго человѣка; цѣлокупность одного и цѣлокупность другого вполнѣ могутъ содержать общіе элементы. Въ противномъ случаѣ пришлось бы заключить: дѣйствительный человѣкъ дышитъ, слѣдовательно его противоположность, идеальный человѣкъ, не можетъ дышать. Итакъ, не общій фактъ этой противоположности, но каждый разъ особое изслѣдованіе должно рѣшать, какое опредѣленіе дѣйствительнаго человѣка отмѣняется идеальнымъ требованіемъ и какое остается неизмѣненнымъ. Такимъ образомъ сначала, по крайней мѣрѣ, не исключалась бы возможность того, что индивидуальность относится къ тѣмъ именно опредѣленіямъ человѣка, которыя могли бы быть общи какъ его дѣйствительности, такъ и его идеальности, несмотря на всю принципіальную противо-

положность этихъ обѣихъ. Для Канта возможность эта отпадаетъ, потому что законъ требуетъ всеобщности не только въ силу противоположности своей къ индивидуальности дѣйствительнаго, но какъ своего логическаго качества. Изъ понятія закона вытекаетъ, что всякій законъ, какъ таковой, долженъ обладать безусловно всеобщей значимостью, что онъ никогда не можетъ относиться только къ одному субъекту или только къ одной ситуаціи, привязанной къ какому-нибудь одному опредѣленному, другія мѣста исключающему мѣсту качественнаго генерическаго временно-пространственнаго космоса. Индивидуальность, не только какъ простое различіе, но вообще какъ въ себѣ существующее, вокругъ себя самого вращающееся бытіе, здѣсь такъ же исключена, какъ и въ носителѣ знанія. Изъ понятія закона потому одному слѣдуетъ его всеобщность, что всѣ этическія велѣнія и запреты должны вытекать изъ отдѣльныхъ содержаній, самостоятельно существующихъ въ своей отрѣшенной логичности (Logizität).

И все-таки, какъ мнѣ кажется, этой всеобщностью закона, этимъ принципіальнымъ отрицаніемъ его исключительной значимости только для одного индивида и чрезъ него—именно всеобщность-то закона недостаточно обезпечивается. Ибо, какъ парадоксально это ни звучитъ, всеобщность также есть нѣчто единичное (Singuläres), поскольку ей еще противостоитъ индивидуальность. Если вообще существуетъ возможность индивидуальнаго закона, то признаніе значимости единственно за всеобщимъ не только не объемлетъ всѣхъ случаевъ, но означаетъ крайнюю одностороннюю ограниченность. Но понятіе закона должно преодолѣть эту релятивистическую противоположность, оно должно быть абсолютно всеобщимъ, дабы быть въ состояніи обитать на обоихъ полюсахъ. Его прикованность къ антииндивидуалистической всеобщности показываетъ, что оно еще не достигло полной идеальности, полной отрѣшенности отъ всякой стоящей еще въ противоположностяхъ единичности.

Правда, можно было бы слѣдующимъ образомъ попытаться возстановить адэкватность всеобщаго закона индивидуальному поступку: можно было бы, исходя изъ индивидуальной жизненной цѣлостности поступка, пытаться подыскать для всей массы его частичныхъ содержаній, для всѣхъ его опредѣленій, каждый разъ соотвѣтствующій всеобщій законъ; изъ совмѣстнаго дѣйствія или взаимнаго уничтоженія всѣхъ этихъ законовъ получалось бы въ результатѣ окончательное нормированіе. Именно формула категорическаго императива дѣлаетъ повидимому вполнѣ мыслимымъ такой полный обхватъ индивидуальнаго поступка, не опускающій ни одного его элемента. Мы имѣли бы тогда совершенную аналогію теоретической наукѣ, для которой фак-

тическое состояніе какого-нибудь объекта есть всегда равнодѣйствующая дѣйствій всѣхъ законовъ, обладающихъ значимостью для каждаго изъ его отдѣльныхъ опредѣленій. Противъ такого пониманія, однако, было выставлено возраженіе, что всесторонняго, полнаго опредѣленія даже простѣйшаго реальнаго объекта невозможно достичь этимъ путемъ; ибо каждый такой объектъ содержитъ столь необозримое множество свойствъ и отношеній, что никакой доступный намъ рядъ понятій и, слѣдовательно, законовъ не въ состояніи исчерпать его, такъ что намъ пришлось бы удовольствоваться односторонними, частичными опредѣленіями вещей, опускающими безчисленное количество отношеній. Прежде всего, уже это возраженіе вполнѣ примѣнимо также и къ попыткѣ сложить нравственное требованіе, обращенное къ какому-нибудь моменту жизни, изъ всеобщихъ законовъ, обладающихъ значимостью для каждаго фактора этого момента въ отдѣльности. Ибо даже и въ относительно простѣйшей жизненной ситуаціи факторовъ этихъ такое неисчислимое множество, что нѣтъ никакой возможности расположить ихъ въ рядъ и подвести каждый изъ нихъ подъ соотвѣтствующую всеобщую норму. Но кромѣ того и это гносеологическое соображеніе останавливается, какъ мнѣ кажется, на полпути. Конечно, количество опредѣленій какой-нибудь реальности фактически до того велико, что всякая попытка закрѣпить безъ остатка въ понятіяхъ закона всю ея цѣлокупность является тщетной; но все же принципіально количеству этихъ факторовъ цѣлостной реальности могло бы соотвѣтствовать точно такое же количество понятій и законовъ. На самомъ же дѣлѣ между дѣйствительностью и нашими понятіями существуетъ видовое принципіальное различіе, вслѣдствіе котораго понятія никогда не могутъ догнать дѣйствительности. Опредѣленія реальной вещи обладаютъ непрерывностью, текучей постепенностью взаимныхъ переходовъ, почему наши точно очерченныя понятія и ихъ дальнѣйшее выраженіе—естественные законы, и безсильны ихъ схватить. Искусственный методъ, стремящійся все же перебросить мостъ между обѣими сферами, означаетъ поэтому не только количественное упущеніе, но принципіальное измѣненіе по виду и по формѣ. Чтобы овладѣть въ понятіяхъ дѣйствительностью, мы должны (на основаніи неизслѣдованнаго здѣсь права) уничтожить текучесть и непрерывные переходы въ вещахъ и между ними, сгустить ихъ въ рѣзко отграниченныя множественности, должны непрерывное сдѣлать прерывнымъ, повсюду запрудить безконечный потокъ, текущій отъ ближайшаго къ дальнѣйшему. Очевидно, что эта транспозиція реальнаго особенно разрываетъ факторы его тогда, когда рѣчь идетъ о логизированіи и закономѣрномъ познаніи жизни. Ибо въ силу того, что жизненная реальность пред-

ставляется какъ одинъ субъектъ, устойчиво пребывающій среди происходящихъ съ нимъ измѣненій, измѣненія эти получаютъ совсѣмъ особую, совершенную непрерывность, такъ что опредѣленія единаго въ этомъ смыслѣ существа являютъ такое обиліе и близость взаимоотношеній, которыя, повидимому, не встрѣчаются въ простыхъ механизмахъ. Поэтому выхватываніе и закрѣпленіе отдѣльныхъ опредѣленій оказывается въ высшей степени неадэкватнымъ формѣ реальнаго органическаго бытія и бываніа. Эта неадэкватность можетъ не смущать естествознаніе, быть можетъ потому, что его намѣренія и его апріорности направляются на самодовлѣющее царство понятій и законовъ, удовлетворяющееся лишь символическимъ отношеніемъ къ реальности. Но въ виду того, что этика стоитъ гораздо ближе къ жизни въ ея непосредственности, приведенная теоретическая аналогія обнаруживаетъ также, какъ сущностная форма «всеобщаго закона», постулирующаго отдѣльное оторванное содержаніе, чужда сущностной формѣ жизни, которая вѣдь д о л ж н а подчинить ему свою дѣйствительность; какъ мало даже самое обильное нагроможденіе такихъ законовъ можетъ приблизиться къ жизни во всей ея подвижности и многообразіи—и это не изъ-за количественной недостаточности, но вслѣдствіе принципіальнаго различія въ формѣ обѣихъ сферъ.

Разсмотрѣнная здѣсь точка зрѣнія запутывается въ узелъ раціонализма вообще. Раціоналистическіе предразсудки, примыкающіе къ закону противорѣчія, имѣютъ слѣдующую форму: предикаты возможныхъ субъектовъ отрываются отъ нихъ и выставляются, какъ самостоятельныя логическія содержанія. Между каждой парой этихъ предикатовъ констатируется противорѣчіе, взаимное исключеніе другъ друга—откуда и выводится затѣмъ, что субъектъ, причастный одному, не можетъ обладать другимъ, или, по закону исключеннаго третьяго, необходимо долженъ обладать однимъ изъ двухъ. Но, какъ извѣстно, выводъ этотъ допустимъ лишь тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о совершенно безплодной противоположности чистаго P и non-P. Въ случаѣ, если обѣ стороны имѣютъ положительный смыслъ, совершенно невозможно на основаніи ихъ логическаго отношенія рѣшить, согласуются ли онѣ въ одномъ субъектѣ или взаимно исключаются—выяснить это можно лишь изъ конкретнаго знанія субъекта. Конечно, смертный и безсмертный суть противоположности; но исключеніе одного не утверждаетъ еще значимости другого, если, напр., рѣчь идетъ о камнѣ, который не есть ни то, ни другое. Конечно, жизнь и смерть суть противоположности; но мы затруднились бы выбрать между ними, если бы намъ предстояло опредѣлить то состояніе косности и неподвижности, въ которомъ пребываютъ нѣкоторые низшіе организмы, не обнаруживающіе

уже абсолютно никакихъ симптомовъ жизни, но могущіе быть снова возвращенными къ жизни. Конечно, голубой и облачный суть исключающія другъ друга противоположности—когда рѣчь идетъ о небѣ, но не о потолкѣ, покрытомъ голубыми облаками дыма. Но, спрашивая о значеніи оторваннаго отъ своего носителя поступка и въ зависимости отъ полученнаго отвѣта оцѣнивая отношеніе поступка къ его носителю какъ правильное или неправильное, категорическій императивъ совершаетъ совершенно аналогичную ошибку. Поступокъ: ложь или искренность, благодѣяніе или жестокосердіе и т. д. онъ отдѣляетъ отъ его субъекта, обращается съ нимъ, какъ съ логическимъ самодовлѣющимъ содержаніемъ, ставя вопросъ о его безусловной допустимости или недопустимости; эта послѣдняя опредѣляется имъ въ зависимости отъ того, что представляетъ собою поступокъ самъ по себѣ (an und für sich), а не соотвѣтственно тому, что означаетъ онъ на субъектѣ, на которомъ обнаруживается (an dem sie haftet). Намѣченная нами, противоположная кантовой, точка зрѣнія отнюдь не должна порождать иную оцѣнку, отличающіяся по содержанію своему нормы; антагонизмъ касается прежде всего или принципіально только основоположенія, узаконяющаго отдѣльныя нормы.

Безразличіе закона по отношенію къ индивиду, для котораго онъ обладаетъ значимостью, происходитъ у Канта отъ того, что для него вообще прототипомъ понятія закона служитъ естественно-научный и правовой законъ. Въ обѣихъ этихъ областяхъ «законъ» обладаетъ безусловной значимостью, индивидуальное образованіе, на которое онъ направляется, не можетъ здѣсь не подчиняться ему, стать независимымъ отъ всеобщаго источникомъ опредѣленій. Въ естествознаніи—потому, что законъ означаетъ здѣсь лишь формулированіе фактическаго хода (все равно, гдѣ и какъ часто реализованнаго) отдѣльныхъ единичныхъ событій; въ правѣ—потому, что оно, исходя изъ себя самого и ради соціальнаго порядка, повелѣваетъ, какъ должно протекать отдѣльное дѣйствіе. Категорическій императивъ имѣетъ, съ одной стороны, логическую структуру естественнаго закона механическаго происхожденія (на что Кантъ самъ указываетъ), съ другой же стороны—структуру правовой нормы. Поэтому для него, повидимому, не существуетъ круга, грозящаго всякому апріорно-всеобщему моральному закону: законъ долженъ предписывать мнѣ поведеніе потому, что онъ обладаетъ или можетъ обладать всеобщей значимостью—но какъ могу я утверждать его всеобщую значимость, не зная заранѣе, что онъ также и для меня обладаетъ значимостью, что онъ подходитъ и ко мнѣ? Въ этомъ, какъ мы знаемъ, состоитъ извѣстная трудность силлогизма съ общей большей посылкой. Какъ изъ того, что всѣ люди смертны и что Кай—

человѣкъ, могу я заключать, что Кай умретъ, такъ какъ вѣдь большая посылка обладаетъ значимостью лишь въ томъ случаѣ, если я уже съ самаго начала увѣренъ въ смертности также и Кая? Въ природѣ законъ имманентенъ единичному факту, въ ней нѣтъ противопоставленности обоихъ, благодаря чему могъ бы возникнуть вопросъ о томъ, подходитъ ли законъ или нѣтъ. Правовой законъ, въ свою очередь, повелѣваетъ индивиду внѣшнимъ образомъ, выставляя лишь объектно (sachlich) частичное требованіе и оставаясь принципіально безразличнымъ къ цѣлостности субъектовъ, такъ что вопросъ о томъ, подходитъ ли законъ къ индивиду, здѣсь вообще не подымается, чѣмъ, конечно, не исключается неограниченная возможность того, что законъ къ нему не подходитъ. Но здѣсь уже, повидимому, обнаруживается недостаточность, присущая «всеобщему закону» со стороны обоихъ его источниковъ. Ибо этическій законъ не обладаетъ ни принципіальной адэкватностью частному случаю, подобно естественному закону, ни абсолютной противопоставленностью субъекту, подобно закону человѣческому, но такъ какъ противопоставленность означаетъ здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ самую тѣснѣйшую внутреннюю связанность, то теперь и возникаетъ проблема соотвѣтствія. Если законъ не подходитъ, онъ также не обладаетъ значимостью. Поэтому «всеобщности» его и присущъ указанный выше кругъ.

Мнѣ кажется однако, что требованіе всеобщности въ раціоналистической этикѣ обнаруживаетъ еще болѣе глубокое обоснованіе. Подобно тому какъ въ теоретической области всеобщность познанія означаетъ лишь, что оно о б ъ е к т н о (sachlich) истинно, точно такъ же и моральная всеобщность значимости и признанія сводится къ о б ъ е к т н о м у значенію и конфигураціи жизненныхъ содержаній. Подъ «объектнымъ» (sachlich) я понимаю здѣсь конечно не соотнесенность съ какимъ-нибудь внѣшнимъ объектомъ, а лишь то, что факторы этическаго поведенія—импульсы и максимы, внутреннія побужденія и чувствуемыя слѣдствія—фигурируютъ къ качествѣ объективныхъ, выражающихъ нѣкое предметное содержаніе, элементовъ, изъ которыхъ затѣмъ уже чисто логически слѣдуетъ обязательная для субъекта норма. Значеніе и отношеніе практическихъ содержаній, въ своей идеальной отрѣшенности отъ индивида, въ которомъ они реализованы, излучаютъ изъ себя нравственную необходимость опредѣленныхъ способовъ поведенія. Такъ какъ это съ логической необходимостью относится ко всякому, къ кому приложимы условія значимости, то представляется, повидимому, оправданнымъ выводъ: если общезначимость закона непосредственно ощущается или представляется логически возможной или фактически существующей, то это признакъ того, что законъ почерпалъ эту необходи-

мость изъ объектныхъ содержаній практическаго міра. Если на первый взглядъ прикованность практическаго закона къ возможной или дѣйствительной всеобщности представляется изнасилованіемъ одного многими, нивеллированіемъ своеобразнаго типическимъ, то мнѣ кажется, что въ глубочайшемъ своемъ основаніи здѣсь нѣтъ никакой соціальной или—какъ говорилъ о Кантѣ Шлейермахеръ—политической мотивации; я вижу здѣсь лишь возведеніе условій и содержаній практической жизни въ идеальную, выражаемую въ абстрактныхъ понятіяхъ, самостоятельную сферу, въ совершенной отрѣшенности отъ ихъ индивидуальныхъ носителей, и логика морали развиваетъ затѣмъ изъ нихъ тѣ формы (Formung), въ которыхъ содержанія эти д о л ж н ы протекать.

Здѣсь, гдѣ нормированіе посредствомъ всеобщности обнаруживаетъ свое подлинное значеніе: какъ ratio cognoscendi или какъ символъ объектныхъ отношеній и санкцій содержаній нашего поведенія—здѣсь кроется пунктъ, въ которомъ наша морально-философская тенденція принципіально расходится съ Кантовой. Законъ всеобщъ, потому что онъ слѣдуетъ изъ объектныхъ содержаній практической ситуаціи; но для этого объектныя содержанія эти должны быть перенесены изъ формы п е р е ж и в а н і я въ форму самостоятельныхъ понятій, благодаря которой они только и становятся возможными факторами логической дедукціи. Намѣченное различіе не ограничивается областью этики, но проникаетъ вообще принципы жизнесозерцанія. Такъ, напр., всякая психологія, такъ или иначе приводящая къ механизму представленій, выхватываетъ изъ безостановочнаго, непрерывнаго процесса представливанія логически формулируемыя содержанія, кристаллизуетъ ихъ въ своего рода самостоятельныя сущности, въ «представленія», а затѣмъ уже изъ движеній, столкновенія, подъема и паденія, соединеній и раздѣленій этихъ элементовъ, дѣйствующихъ какъ бы изъ себя, надѣленныхъ собственной самостоятельной силой, она пытается заново сложить, возсоздать живой потокъ психическаго процесса. Для иного—противоположнаго—пониманія душевная жизнь есть непрерывный процессъ, не допускающій рѣзкаго логическаго раздѣленія на отграниченныя, уединенныя другъ отъ друга «представленія»,—все равно, какъ если бы изъ точекъ пытаться составить непрерывную линію или живой организмъ — изъ частей, на которыя его разрѣзали. Но и эти сравненія недостаточно еще выражаютъ ту пропасть, которая раздѣляетъ оба эти пониманія. Ибо механистическое пониманіе имѣетъ дѣло съ имъ самимъ созданными образованіями, не существующими вообще въ подвижной психической реальности, съ точно очерченными, идеально устойчивыми понятіями, именуемыми имъ отдѣльными представленіями. Это оказывается возможнымъ только благодаря тому, что душевный про-

цессъ подводится подъ совершенно не присущую ему категорію уединяемыхъ и дѣлимыхъ согласно логическимъ различіямъ содержаній. Даже говоря о непрерывномъ, стирающемъ всяческія границы переходѣ однихъ представленій въ другія, механистическое пониманіе не достигаетъ дѣйствительной адэкватности описанному процессу. Ибо и въ этомъ случаѣ предполагается нѣкое предварительное самостоятельное существованіе отдѣльныхъ представленій, которое лишь впослѣдствіи какъ бы смягчается тѣмъ, что представленія вбираются въ подвижность души и переносятся затѣмъ въ проникающую ихъ и тѣмъ только объединяющую динамику душевнаго потока. Попрежнему не получается постепеннаго нарастанія индивидуальнаго міра представленій изъ того единаго творческаго начала, изъ той для науки еще таинственной, но совершенно ясно чувствуемой творческой инстанціи, что именуется нами словомъ «я». Замѣняя текучесть и непрерывность душевнаго потока игрою «представленій», мы стараемся составить бываніе изъ того, что на самомъ дѣлѣ есть лишь абстрагируемый отъ него продуктъ, приблизительно такъ, какъ если бы, объясняя чередованіе отраженныхъ въ зеркалѣ образовъ, мы причину появившихся позднѣе отраженій усматривали въ предшествовавшихъ имъ *отраженіяхъ*, а не въ реальномъ процессѣ, породившемъ каждое изъ этихъ отраженій въ отдѣльности. Всякое данное содержаніе сознанія выводится такимъ образомъ исключительно лишь изъ предшествовавшихъ содержаній, такъ сказать, изъ горизонтальной плоскости, въ которой движутся представленія, а не изъ тѣхъ глубинъ, откуда на самомъ дѣлѣ вытекаетъ представленіе, какъ непрерывный жизненный процессъ. Попытка объяснить живой и динамичный потокъ представленія изъ механизма отдѣльныхъ очерченныхъ своимъ логическимъ содержаніемъ представленій есть по методу своему такое же изнасилованіе жизни логикою, какое пытаются произвести надъ нею, напр., физика и химія, желая синтезировать жизненные процессы изъ механики тѣхъ самыхъ элементовъ, которые частныя точки зрѣнія этихъ наукъ предварительно вырѣзали изъ органической матеріи. Мы освободили нынѣ логику отъ тѣхъ искаженій, которыми грозило ей постоянное вмѣшательство со стороны психологіи. Но мы слишкомъ мало еще обращаемъ вниманія на аналогичныя опасности, которыя возникаютъ для психологіи отъ засилія логики. Выведеніе душевной жизни изъ механики «представленій», т.-е. изъ содержаній сознанія, гипостазированныхъ въ царство относительно самостоятельныхъ сущностей, надѣленныхъ собственными силами и выражаемыхъ логическимъ значеніемъ,—представляется мнѣ именно такимъ *логическимъ засиліемъ*, вмѣшательствомъ логической тенденціи въ принципіально чуждое ей царство психологической жизни.

Я оставляю въ сторонѣ вопросъ, въ какой мѣрѣ картина душевной дѣйствительности, врисованная въ чисто теоретическую плоскость, нуждается въ подобномъ переоформленіи. Но если сознавать, что она есть переоформленіе, то на ней тѣмъ самымъ обнаруживается то методическое дифференцированіе, которое, на мой взглядъ, приноситъ съ собою этическая постановка вопроса. Изъ подлежащаго нравственной оцѣнкѣ жизненнаго процесса можно выдѣлить отдѣльные словесно обозначаемые элементы, образующіе матеріалъ или предпосылки для обращеннаго къ нашему поведенію нравственнаго требованія. Предположимъ, напр., что предъ нами кантовскій случай безопасно присваиваемаго денежнаго вклада, или ситуаціи, изъ которыхъ вытекаютъ заповѣди Моисея, или сплетеніе соціальныхъ фактовъ со свойствами и притязаніями индивида, или отношенія профессіи, брака, религіи, чреватыя внутренними конфликтами между собою или съ силами и желаніями, влекущими къ идеалу личнаго развитія. Требуемое этимъ матеріаломъ поведеніе всегда можно вычислить согласно категорическому императиву, или божескимъ заповѣдямъ, или аристотелевой «серединѣ», или высшему благу общественнаго развитія; но, связуя свои содержанія присущей ему своеобразной логикой, царство этихъ отдѣльныхъ долженствованій изымается тѣмъ самымъ изъ формы переживанія и даже противопоставляется ей. Но только такимъ путемъ и устанавливается «всеобщій» законъ. Пока отдѣльные жизненные моменты, побужденія и рѣшенія, вплетены въ единство нѣкоего непрерывнаго существованія, лишь въ отношеніи къ центру и потоку этого существованія они обладаютъ значеніемъ, лишь какъ дыханіе такой индивидуальной жизни они вообще существуютъ. Чтобы сдѣлаться матеріаломъ для выходящаго за предѣлы индивида закона, они должны быть раньше вырваны изъ этой монополизировавшей ихъ для себя связи. Ибо только ставши самостоятельными по отношенію къ этому индивиду, не питаясь болѣе соками его тѣла, могутъ они войти въ другія сочетанія и дать нормирующую форму для любого числа другихъ индивидовъ. Что какой-нибудь человѣкъ лжетъ или жертвуетъ собою ради убѣжденія, что онъ жестокосердъ или, наоборотъ, благотворительствуетъ, что онъ ведетъ распущенный или аскетическій образъ жизни,—все это въ дѣйствительности каждый разъ абсолютно вплетено въ непрерывный потокъ его жизни; даже терминъ «вплетено» здѣсь не совсѣмъ подходитъ, ибо онъ какъ будто предполагаетъ нѣкоторое самостоятельное существованіе и происхожденіе этого точно очерченнаго понятіемъ дѣйствія, которое, будучи такимъ образомъ надѣлено своей собственной характеристикой, затѣмъ уже словно заднимъ числомъ или какъ бы само собою включается въ жизненный потокъ. На самомъ

же дѣлѣ, наоборотъ, потокъ этотъ абсолютно цѣленъ и непрерывенъ, и мы, лишь подойдя къ нему съ заранѣе предвзятымъ понятіемъ, выкраиваемъ изъ него уже тотъ или иной кусокъ, который составляетъ однако столь же неотъемлемую его принадлежность, какъ и всякая другая его часть, протекающая между двумя любыми моментами времени. Какъ бы ни были относительно рѣзки границы между отдѣльными поступками, на которые внѣшне раздѣляется наше поведеніе, внутренне жизнь все же не составляется изъ лжи, затѣмъ мужественнаго рѣшенія, затѣмъ распущенности, затѣмъ благотворенія и т. д., но образуетъ непрерывную текучесть, въ которой каждое мгновеніе представляетъ собою безпрестанно оформляющееся, преобразовывающееся цѣлое, гдѣ ни одна часть не можетъ быть рѣзко отграничена отъ другоій, и гдѣ каждая часть обнаруживаетъ свой смыслъ лишь внутри и съ точки зрѣнія всего цѣлаго. Что въ это мгновеніе совершается такоій-то поступокъ,—это означаетъ, что жизнь въ своемъ непрерывномъ теченіи приняла сейчасъ именно эту форму; поступокъ опредѣляется не извнѣ, тѣмъ, что это—ложь или благотвореніе, но онъ есть теперешняя реальность этого жизненнаго потока. Такъ, форма безпрестанно мѣняющаго свои очертанія амебообразнаго животнаго опредѣляется не извнѣ—то идеей круга, то эллипса, то приблизительнаго четыреугольника, но лишь изнутри—жизненнымъ процессомъ животнаго (въ связи съ обусловливающими его внѣшними обстоятельствами),—хотя кругъ или эллипсъ и заключаютъ въ себѣ, въ качествѣ объективныхъ формъ, законы или необходимости, совершенно безразличные къ тому витальному процессу, который порождаетъ ихъ какъ формы этого существа. Если относительно лжи или благотворенія существуетъ всеобщая норма, то въ непрерывномъ и единомъ ряду жизненнаго процесса она не найдетъ тотчасъ же, сразу опорнаго пункта, но для этого нужно, чтобы содержанія этого процесса были предварительно выдѣлены изъ него ему самому чуждымъ образомъ и извнѣ, хотя бы и въ идеальномъ смыслѣ извнѣ, подведены подъ заранѣе уже существующія понятія. Если долженствованіе присуще такимъ общимъ понятіямъ, какъ ложь, благотвореніе и т. п., то оно, слѣдовательно, совсѣмъ не можетъ схватить поступка со стороны его внутренняго источника, но беретъ его лишь послѣ того, какъ текущая непрерывно изъ этого источника жизнь приведена уже въ форму прерывности, или даже собственно не самая жизнь, но ея отдѣльныя содержанія, выражаемыя и изолируемыя съ помощью извнѣ приставленной системы понятій. Ложь или благотвореніе, какъ жизненное проявленіе своихъ субъектовъ, обладаютъ единственностью всего дѣйствительнаго и съ этой точки зрѣнія никоимъ образомъ не являются изображеніемъ общей лжи или общаго

благотворенія, о которыхъ говоритъ всеобщій законъ; наоборотъ, чтобы быть ему подчиненными, они должны быть предварительно изъяты изъ своей органической связи и включены въ абстрактную схему, которая оперируетъ съ ними, какъ съ уединенными и лишенными своей жизненной динамики содержаніями, какъ съ суммой идеально и заранѣе прочно опредѣленныхъ признаковъ. Всеобщность закона обусловлена тѣмъ, что цѣлостность живого индивида предварительно упразднена, такъ какъ предметомъ долженствованія она дѣлаетъ поступокъ, поскольку онъ опредѣляется отдѣльнымъ понятіемъ, а не поскольку онъ вздымается въ непрерывномъ потокѣ жизни. Кантовскій императивъ движется принципіально въ томъ же направленіи, такъ какъ онъ высказываетъ лишь наиболѣе общую формальную абстракцію ото всѣхъ возможныхъ отдѣльныхъ общихъ законовъ. Чтобы стать регулятивомъ поведенія, онъ долженъ тотчасъ же претвориться въ матеріальную и, слѣдовательно, единичную, сингулярную норму, которая, какъ это явно слѣдуетъ изъ него самого, можетъ каждый разъ обладать лишь эмпирической значимостью, т.-е. уже въ ближайшемъ же случаѣ можетъ оказаться совсѣмъ непримѣнимой. И именно лишь на возможную сумму такихъ относительныхъ всеобщностей разлагается категорическій императивъ, какъ только онъ хочетъ стать практическимъ. Правда, его формула, повидимому, достаточно широка для того, чтобы опредѣлять нравственность дѣйствій по «возможности ихъ обобщенія» и тогда, когда дѣйствія наши будутъ поняты такъ, какъ они д ѣ й с т в и т е л ь н о существуютъ въ жизни: въ ихъ невыдѣлимой сплетенности съ цѣлымъ, подобно волнѣ непрерывнаго потока, въ этотъ какъ разъ моментъ остановившей на себѣ наше вниманіе. Фактически однако, понятыя такъ дѣйствія ни коимъ образомъ не могутъ быть обобщены, ибо это означало бы не что иное, какъ мыслить всю жизнь даннаго индивида въ качествѣ всеобщаго закона. Вопросъ гласилъ бы тогда: можешь ли ты желать, чтобы всѣ люди съ ихъ первой до ихъ послѣдней минуты вели себя такъ же, какъ ты? Ибо, какъ это слѣдуетъ, не уставая, повторять, свой внутренній, дѣйствительно подлинный смыслъ каждый отдѣльный поступокъ обнаруживаетъ лишь въ цѣлостности жизненной связи. Но и независимо отъ немыслимости или безсмыслицы этого вывода, всегда (даже слѣдуя тѣмъ самымъ критеріямъ, по которымъ категорическій императивъ опредѣляетъ желательность какого-нибудь дѣйствія) можетъ оказаться цѣннымъ, чтобы существовалъ только о д и н ъ человѣкъ этого опредѣленнаго рода, а не чтобы существовало хотя бы только нѣсколько такихъ же, какъ онъ. Но отсюда отнюдь еще не слѣдуетъ нравственная отрицательность этого человѣка. Итакъ, послѣдній выводъ, къ которому приводитъ категорическій императивъ, если только не разрубать по

произволу окружающихъ отдѣльный поступокъ связей, гласилъ бы: можешь ли ты желать, чтобы ты вообще существовалъ, или чтобы міръ, въ которомъ ты существуешь (ибо въ томъ видѣ, въ какомъ міръ существуетъ, онъ есть необходимое условіе всей твоей жизни и тѣмъ самымъ также и отдѣльнаго твоего дѣйствія), существовалъ безконечное число разъ? Такъ кантова формула, послѣдовательно раскрытая до своего послѣдняго значенія, приводитъ къ идеѣ вѣчнаго круговорота. Очевидно, что тѣмъ самымъ на вопросъ объ обобщеніи уже не можетъ быть данъ только логическій отвѣтъ, какъ того требуетъ сама формула, но чтобы его разрѣшить, необходимы рѣшенія волевого и эмоціональнаго рода. Чтобы избѣжать всего этого, чтобы, отвѣчая на вопросъ о правомѣрности (Legitimierungsfrage), мыслить отдѣльный поступокъ обобщеннымъ, не остается опять-таки ничего иного, какъ изолировать его изъ цѣлостной жизненной связи, перенести его въ сферу внѣшней очерченности и ограниченности; обобщеніе его полной реальности внутри нашего существованія отмѣняетъ себя самого, отмѣняетъ по крайней мѣрѣ притязаніе на объективно-логическое разрѣшеніе вопроса соотвѣтственно кантовой формулѣ: именно обобщеніе и предполагаетъ искусственную индивидуализацію отдѣльнаго поступка. Формула эта развѣ только опредѣляетъ каждый отдѣльный случай; ц ѣ л о е она не можетъ опредѣлить, ибо это цѣлое (будучи жизнью, оно такъ же не слагается изъ отдѣльныхъ случаевъ, какъ дѣйствительный организмъ не можетъ быть сложенъ изъ отдѣльныхъ кусковъ) нельзя, не впадая въ безсмыслицу, мыслить «всеобщимъ». Эта индивидуализація отдѣльнаго поступка прежде всего противорѣчитъ личной индивидуальности, т.-е. жизненнымъ единству и цѣлостности, проходящимъ сквозь все многообразіе отдѣльныхъ поступковъ, или точнѣе: живущимъ к а к ъ это многообразіе. И та и другая относятся къ двумъ взаимно другъ друга отмѣняющимъ родамъ индивидуальности, которые можно было бы назвать индивидуальностью пассивной и активной.

Первая возникаетъ тогда, когда изъ непрерывности бытія и становленія духъ выкраиваетъ отдѣльный кусокъ, изолируетъ его какъ экземпляръ понятія, чѣмъ и придаетъ ему единство и замкнутость вокругъ нѣкоего опредѣленнаго центра, которыхъ онъ самъ по себѣ, внутри своего космическаго существованія, лишенъ. Активная индивидуальность дана тамъ, гдѣ такое единство наличествуетъ въ самомъ объективномъ существованіи, гдѣ внутреннее ея существо само по себѣ изъято изъ непрерывной сплетенности съ цѣлымъ космическаго бытія. Чтобы реализовать такое понятіе объ индивидуальности, мы обыкновенно преобразовываемъ временную форму жизненнаго потока въ рядоположную длительность и говоримъ тогда о характерѣ, объ Я, о суще-

ственныхъ чертахъ и т. д. Это еще болѣе споспѣшествуетъ фатальной тенденціи отрывать отдѣльный актуальный поступокъ отъ жизненной цѣлостности, противопоставлять его ей въ качествѣ только болѣе или менѣе съ ней связаннаго. Тогда это сверхвременно-индивидуальное есть индивидуальность, отдѣльный же поступокъ не есть ея полномѣрный представитель, а есть нѣчто себѣ довлѣющее. Но суть въ томъ, чтобы увидѣть, что жизнь, даже понятая сполна въ формѣ текучаго потока, т.-е. въ каждомъ настоящемъ моментѣ находящая всю цѣлостность своего существованія (это можетъ стать понятнымъ лишь впослѣдствіи), есть индивидуальность. Индивидуализированіе отдѣльнаго поступка, въ результатѣ котораго для него получается лишь пассивная индивидуальность, есть полная противоположность и помѣха индивидуальности цѣлаго человѣка, которая, какъ мы опять-таки ниже увидимъ, менѣе всего есть особность, исключительность, качественная инакость, но лишь самостоятельно-единая цѣлостность каждаго осуществленія жизни. Здѣсь кроется также связь между индивидуальностью и свободой. Не только существованіе въ качествѣ простой части какого-нибудь цѣлаго сужаетъ свободу человѣка (хотя и не въ относительныхъ констелляціяхъ исторической жизни), но свобода человѣка принципіально сужается также и тогда, когда элементы его стремятся, по дѣйственности своей и впечатлѣнію, къ нѣкоторой самостоятельности. Мы чувствуемъ себя несвободными, когда въ общемъ строѣ нашего существа отдѣльные моменты (чувственныя влеченія, авторитативныя внушенія, воспоминанія, логическія теоремы и т. п.) стремятся уклониться отъ сліянія съ другими нашими существенными элементами и, утверждая свою самостоятельность и слѣдуя лишь своему собственному закону, какъ бы подымаютъ знамя возстанія. Точно такъ же и категорическій императивъ отмѣняетъ свободу, потому что онъ отмѣняетъ единую цѣлостность жизни въ пользу атомизированныхъ поступковъ, которые, вмѣстѣ съ лежащей въ основѣ ихъ оцѣнки абстрактной системой, насильно подчиняютъ себѣ жизнь, опредѣляя ей ея, т.-е. свое значеніе.

Часто встрѣчающееся сопоставленіе кантовой морали съ принципомъ протестантизма хотя и страдаетъ натяжкой содержитъ въ себѣ, конечно, ту правильную мысль, что для протестантизма нравственный поступокъ коренится въ метафизической автономіи индивида, а не какъ въ католицизмѣ, въ послушаніи историческому авторитету. Но при дальнѣйшей дифференціаціи обнаруживается, что упомянутая выше направленность императива на отдѣльный, по содержанію своему точно очерченный поступокъ въ сущности гораздо болѣе родственна католическому принципу. Въ высшей степени характерно, что у Данте грѣшники подвергаются окончательному осужденію за единичные поступки,

Пусть здѣсь кроется болѣе глубокое значеніе: что однажды въ своей жизни человѣкъ совершаетъ нѣчто такое, что собираетъ въ себѣ весь смыслъ, всю тенденцію его жизни,—этическая цѣнность такихъ представляющихъ цѣлое поступковъ опредѣляется все же со стороны ихъ матеріальной единичности, подвергаясь мѣрилу системы заранѣе установленныхъ нормъ; пусть поступокъ дѣйствительно есть цѣнностное средоточіе существованія, какъ у Канта онъ есть явленіе умопостигаемаго характера,—какъ здѣсь, такъ и тамъ онъ оцѣнивается не согласно своей органически-непрерывной сращенности съ жизнью, но согласно своему уединяемому содержанію, для Канта даже согласно простому намѣренію (Absicht) этого содержанія. Но въ обоихъ случаяхъ необходимо такое уединеніе поступка, какъ бы уединеніе это ни было внутренне по своему характеру, необходимо потому, что оцѣнку свою поступокъ долженъ получить отъ противостоящей цѣлостной жизни индивида и принципіально безразличной къ ней нормы.

Обоснованіе должнаго на «разумѣ» также невозможно: «разумъ» недостаточно широкій источникъ для этого. Ибо, во-первыхъ, нельзя, напр., сказать, что мы этически должны, поскольку мы разумныя существа. Именно въ качествѣ таковыхъ мы никогда не породили бы долженствованія, ибо тогда мы уже сами по себѣ жили бы соотвѣтственно нормѣ; даже если принять формулу: стать разумнымъ существомъ—наша задача, то и тогда, слѣдовательно, это не можетъ быть задачей для разумнаго существа, но лишь для всей цѣлостности нашего существа; лишь эта послѣдняя, а не ненуждающійся въ немъ разумъ, есть мѣсто долженствованія. Но и независимо отъ этого Кантовъ «разумъ», хотя онъ и носитъ наименованіе «душевной способности», совершенно чуждъ жизни, какъ реальному, исполненному собственнаго смысла текущему потоку, и есть въ сущности не что иное, какъ носитель оформленныхъ въ отдѣльныя понятія и ихъ логическія слѣдствія жизненныхъ содержаній, о которыхъ мы выше говорили. Мы вѣдь никогда не живемъ какъ такія «разумныя существа», но какъ въ томъ или иномъ смыслѣ единая цѣлостность, которую мы затѣмъ уже, заднимъ числомъ, разлагаемъ согласно научнымъ, практическимъ, телеологическимъ точкамъ зрѣнія на разумъ, чувственность и т. д. Здѣсь именно обнаруживается механистическая тенденція въ мышленіи Канта: изъ этихъ въ глубочайшемъ существѣ своемъ несвязанныхъ между собою элементовъ (ибо они—результатъ расщепленія или возможныхъ различныхъ точекъ зрѣнія на жизнь) слагается у него жизнь, единство которой, очевидно, никогда не можетъ быть получено такимъ путемъ. Но какъ бы ни мыслить отношеніе единства и множества между «душевными способностями»—по какому праву исклю-

чаемъ мы другіе безчисленные элементы нашего существа отъ образованія для себя или изъ себя идеала долженствованія? Каково, напр., мѣсто чувственности въ нашемъ существованіи? Должна ли она дѣйствительно пребывать въ насъ лишь въ своей чистой фактичности, или также и для нея существуетъ путь, которымъ она, какъ чистая чувственность, должна протекать, имманентный ей идеалъ, къ которому она можетъ приближаться и отъ котораго она можетъ удаляться? И не точно такъ же ли обстоитъ дѣло съ фантазіей, съ оформленіемъ этически безразличныхъ жизненныхъ элементовъ, съ религіозной вѣрой, разсматриваемой дѣйствительно только какъ вѣра? Этимъ намѣчается уже имѣющій впослѣдствіи стать существеннымъ мотивъ: раціональная мораль имѣетъ своей оборотной стороной анархизмъ безчисленныхъ областей жизни. Итакъ, если разумъ есть сверхъиндивидуальная инстанція въ насъ, поскольку онъ есть чистый носитель уединенныхъ черезъ понятія и подведенныхъ подъ понятія жизненныхъ содержаній; если вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть душевная энергія, жизненное начало, дѣйствующее динамически и изъ единаго жизненнаго центра,—то даже и путемъ такого соединенія ему въ концѣ концовъ все таки не удастся превратить получающіяся на основаніи перваго его значенія всеобщія нормы въ функціи дѣйствительной жизни, которая есть единство, или въ идеальныя излученія ея цѣлостной совокупности. Ибо разумъ есть и остается частью этой цѣлокупности, рядомъ съ нимъ стоятъ другія части, которыя только изъ своего собственнаго существа, а не изъ совершенно чуждой имъ сущности разума, могутъ развивать тѣ регулятивы, которые они на равномъ основаніи въ правѣ требовать для своихъ особыхъ функцій. Если вообще приписывать значеніе нашимъ духовнымъ энергіямъ въ ихъ особности, то лишь ихъ цѣлокупность можетъ въ крайнемъ случаѣ быть символомъ жизненнаго единства, представлять которое одинъ разумъ самъ по себѣ не имѣетъ никакихъ полномочій. Если «общіе законы» разсматривать какъ исконную его область, то и указанный способъ объединенія оставляетъ ихъ столь же оторванными отъ единаго корня жизненнаго цѣлаго, какими они были до того, въ своей непосредственности.

Итакъ, пока наше изслѣдованіе привело насъ къ тому результату, что всѣ общіе законы, нашедшіе, какъ таковые, свою абстрактную формулировку въ категорическомъ императивѣ, не могутъ оформлять нашего поведенія съ точки зрѣнія того, какъ оно дѣйствительно протекаетъ въ жизни. Отсюда отнюдь не слѣдуетъ необходимость натурализма, но требуемый на основаніи пока еще не выясненнаго другого принципа поступокъ сохраняетъ не менѣе чистую идеальность, безразличную къ своему осуществленію или не-осуществленію. Въ качествѣ

всеобщаго законъ можетъ развивать долженствованіе, лишь исходя изъ отдѣльныхъ содержаній жизни; содержанія эти оторваны отъ ея потока, отъ непрерывной и цѣлостной подвижности, откристаллизованы въ рѣзко очерченныя, логически, а не витально связанныя понятія. На этихъ понятіяхъ, конечно вполнѣ сверхъиндивидуальныхъ, возгорается не выводимое изъ нихъ въ собственномъ смыслѣ этого слова долженствованіе; послѣднее находится слѣдовательно въ сферѣ, не только безразличной по отношенію къ жизненной дѣйствительности (что вполнѣ правильно), но также и къ самому принципу жизни. Ибо оно оцѣниваетъ поступокъ и требуетъ его не такъ, какъ онъ возникаетъ, будучи волною единаго потока жизни, но такъ, какъ понятіе его индивидуальнаго совершенія опредѣляется общимъ понятіемъ поступка. Всеобщему закону не удается распространить категорію долженствованія на дѣйствіе, понимаемое какъ проявленіе жизни, онъ не въ силахъ также внутренне соединить одно съ другой. Въ заключеніе укажемъ еще въ видѣ только простого намека (такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ болѣе о психологическомъ фактѣ, чѣмъ собственно о принципѣ) на слѣдующее: попытка вывести наши нравственные поступки изъ ихъ общезначимости уже потому сомнительна, что всеобщій, типическій характеръ въ гораздо большей степени отличаетъ наши грѣхи, нежели то, что въ насъ есть наиболѣе глубокаго и лучшаго.

Итакъ, долженствованіе, выступающее въ качествѣ всеобщаго закона, не исходитъ изъ жизни, не направлено на жизнь: первое—потому, что оно порождается логически-идеальнымъ значеніемъ отдѣльныхъ содержаній, перенесенныхъ изъ жизненной сплетенности въ сферу понятій; второе—потому, что оно направлено на отдѣльные поступки (которые отнюдь не должны быть непремѣнно внѣшними, а могутъ вполнѣ состоять лишь изъ доброй воли къ нимъ) и совсѣмъ не включаетъ въ себя ихъ отношенія къ цѣлостности жизни, которая вѣдь можетъ быть всегда лишь индивидуальной. Вмѣсто этого фактическое значеніе долженствованія лучше всего можно было бы выразить слѣдующимъ образомъ: долженствованіе есть родъ переживанія жизни, въ которомъ точно такъ же переживается цѣлостность жизни—содержанія, способы поведенія, намѣренія,—какъ она съ другой стороны переживается въ видѣ и въ формѣ психологической дѣйствительности. Жизнь свершается не только въ формѣ одного ряда дѣйствительности, но, начиная съ извѣстной ступени развитія, она протекаетъ одновременно также въ формѣ долженствованія, и здѣсь и тамъ однако какъ жизнь, въ ея несравнимомъ существѣ и ритмѣ, а не слагаясь изъ отдѣльныхъ кусковъ, на которые разлагаетъ ее абстрагирующій разсудокъ, точно такъ же, какъ

и въ психологическомъ аспектѣ своемъ жизнь не слагается изъ отдѣльныхъ представленій. Отношеніе здѣсь такое же, какое имѣется, напр., между религіей какъ религіозной жизнью, т.-е. самимъ жизненнымъ процессомъ порожденной и имъ самимъ освященной ритмикой и настроенностью, и религіей, какъ суммой трансцендентныхъ представленій, оторванныхъ отъ этого непрерывнаго религіознаго жизненнаго процесса и принявшихъ форму застывшихъ кристалловъ, существующихъ сами по себѣ и въ свою очередь уже воздѣйствующихъ на душу.

Сознаніе, въ которомъ или въ качествѣ котораго раскрывается наша жизнь, оперируетъ, слѣдовательно, обѣими этими категоріями: мы знаемъ себя, каковы мы въ дѣйствительности, и мы знаемъ себя, каковыми мы должны быть. Принципіальная координированность обѣихъ этихъ категорій, существующая между ними несмотря на все различіе, даже противоположность ихъ состава, не нарушается и тѣмъ, что вторая категорія, преподнося намъ свои содержанія въ видѣ велѣній (нормъ), тѣмъ самымъ противопоставляетъ ихъ намъ. Ибо эта дуалистика, эта способность противопоставлять себѣ себя самого, себя самого дѣлать объектомъ всевозможныхъ функцій, относится къ основнымъ опредѣленіямъ духовной жизни вообще. Какъ бы ни истолковывать актъ самосознанія, въ которомъ мы противопоставляемъ себѣ бытіе, содержаніе котораго—мы сами, по формѣ своей онъ во всякомъ случаѣ ничѣмъ не отличается отъ акта долженствованія, въ которомъ мы противопоставляемъ себѣ должное, содержаніе котораго — мы сами. Трансцендированіе духа, имѣющее однако лишь его самого своею цѣлью (что можно было бы назвать нашей имманентной трансцендентностью), есть одна изъ его элементарныхъ способностей, и въ этой формулировкѣ оно представляетъ собою лишь общее понятіе, осуществляющееся въ самыхъ различныхъ дѣятельностяхъ знанія, чувствованія, велѣнія. Такъ, сознаніе, какъ субъектъ, знаетъ объ объектѣ, хотя и противостоящемъ ему, или представляетъ истинныя содержанія, обладающія совершенно независимой отъ этого сознанія значимостью. Понятое такимъ образомъ долженствованіе есть модусъ, въ которомъ протекаетъ такъ или иначе единая цѣлостность жизни, точно такъ же, какъ и модусъ душевной дѣйствительности есть не болѣе какъ модусъ. Это именно объясняетъ намъ, почему морально-философская попытка выдавить изъ факта долженствованія то, что мы—по содержанію—должны дѣлать, необходимо должна потерпѣть крушеніе, ибо вѣдь и изъ факта дѣйствительности никоимъ образомъ нельзя вывести того, что дѣйствительно есть. Точно такъ же понимаемъ мы теперь и взаимную самостоятельность бытія и долженствованія, независимость велѣній отъ ихъ осуществленія или неосуществленія, безконечно многообразныя приближенія

или удаленія бытія отъ долженствованія: ибо и то и другое въ равной мѣрѣ содержитъ въ себѣ уже всю жизнь, какъ у Спинозы мышленіе и протяженіе содержатъ въ себѣ каждое всю субстанцію. Тѣмъ, что жизнь протекаетъ какъ дѣйствительность и какъ долженствованіе, отмѣняется случайность ихъ взаимоотношенія, при чемъ это коренящееся внутри или подъ ихъ сущностью единство отнюдь не требуетъ отмѣны матеріальнаго расхожденія ихъ каждомгновеннаго теченія. Изъ того, что долженствованіе протекаетъ какъ суверенное по отношенію къ нашей дѣйствительности идеальное полаганіе, выводили право противопоставлять жизнь долженствованію, понимая ихъ какъ два существенно чуждыхъ (хотя часто и совпадающихъ по своему содержанію) начала. Но при этомъ жизнь смѣшивалась съ психологической дѣйствительностью, которая есть вѣдь только одна возможная категорія, въ которой жизнь является сама себѣ, хотя практически и самая важная или во всякомъ случаѣ наиболѣе кидающаяся въ глаза. Поэтому для долженствованія и не оставалось ничего иного, какъ быть пришпиленнымъ къ изолированнымъ, изъятымъ изъ жизненнаго потока понятіямъ. Что такимъ путемъ естественно получены были лишь недвижные, застывшіе законы, не имѣющіе яснаго отношенія къ жизни, и вызываетъ, повидимому, ту неудовлетворенность и недостаточность, которыя изъ всѣхъ областей философіи болѣе всего присущи этикѣ. Пограничная линія должна быть проведена иначе: не жизнь и долженствованіе противостоятъ другъ другу, но дѣйствительность и долженствованіе, оба однако на основѣ жизни, какъ рукава ея потока, какъ образующія формы ея содержаній. Этого не слѣдуетъ понимать, однако, только психологически, какъ будто бы субъектъ представляетъ себѣ свою жизнь то такъ, какъ она въ дѣйствительности есть, то такой, какой она должна была бы быть. На самомъ дѣлѣ долженствованіе имѣетъ не менѣе объективную подкладку, чѣмъ бытіе; и если долгъ есть вообще нѣчто объективное, то я не вижу, почему онъ долженъ скорѣе получаться изъ отношенія абстрактно формулируемыхъ содержаній, чѣмъ изъ цѣлостности жизненнаго потока. Вся трудность объясняется тѣмъ, что мы привыкли разсматривать объективное требованіе какъ нѣчто, безусловно *противостоящее* жизни; тѣмъ самымъ жизнь была низведена до простой субъективности, и этотъ характеръ переносится поэтому также и на требованіе, лишь только оно понимается какъ функція жизни. Но это очевидно petitio principii, потому что выводъ утверждаетъ лишь то, что уже ранѣе было установлено въ качествѣ посылки.

Это истолкованіе долженствованія, какъ вмѣстѣ съ самой жизнью даннаго выформленія ея цѣлостности, никоимъ образомъ не совпадаетъ съ кантовымъ закономъ на томъ основаніи, что и этотъ послѣдній мы

«даемъ себѣ сами». Ибо отнюдь не индивидъ какъ цѣлое, живое единое существо даетъ здѣсь себѣ нравственный законъ, а лишь одна часть его, которая представляетъ въ немъ сверхъиндивидуальный разумъ. Противоположеніе, эту неизбѣжную форму моральнаго велѣнія, Кантъ могъ такимъ образомъ получить, лишь раздѣливъ индивидуальную цѣлостность жизни на «чувственность» и разумную, законодательствующую часть и противопоставивъ одну изъ нихъ другой. Въ концѣ концовъ Кантъ не можетъ отдѣлаться отъ взгляда, что то, что повелѣваетъ индивиду, должно лежать по ту сторону индивида. А такъ какъ онъ отвергаетъ всякую гетерономію, то онъ по необходимости пытается достичь этого путемъ разрыва индивида на чувственность и разумъ. Разрывъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ упомянутой выше основной характеристикой духа противопоставляться себѣ самому, дѣлать себя самого объектомъ себя самого какъ субъекта. Ибо это есть функція единой жизни, а не, подобно обѣимъ тѣмъ «душевнымъ способностямъ» (или какимъ бы болѣе тонкимъ терминомъ ни обозначить основную Кантову позицію),—двѣ сущности. Эта имманентная дуалистика, это отношеніе какъ субъекта и объекта себя самого есть скорѣе форма, въ которой единый духъ переживаетъ себя самого. Иллюзію, будто если разумъ повелѣваетъ чувственностью, то тѣмъ самымъ все же «мы сами» даемъ себѣ законъ, Канту было нечѣмъ подтвердить, кромѣ какъ ничѣмъ не доказаннымъ, наивно догматическимъ утвержденіемъ, что разумная, общезначимая часть насъ есть «подлинное» я, сущность нашего существа.

Терминъ «законъ» формально не подходитъ и мѣшаетъ нашему пониманію этическаго требованія, хотя въ немъ и сохраняется его существенный смыслъ. Ибо подъ закономъ мы всегда понимаемъ формулированную норму для рѣзко отграниченныхъ вырѣзовъ, или эпохъ жизни. Здѣсь же имѣется въ виду, такъ сказать, витальная подвижность самого закона. И таковая стоитъ къ нашему дѣйствительному этическому сознанію гораздо ближе, чѣмъ мы это сами думаемъ, благодаря долгой и упорной привычкѣ видѣть въ Десяти заповѣдяхъ прототипъ всякой этической закономѣрности. Болѣе или менѣе ясное сознаніе того, чѣмъ мы должны быть и что мы должны дѣлать, постоянно сопровождаетъ нашу дѣйствительную жизнь, хотя, конечно, сознаніе это, въ случаѣ совпаденія содержанія его съ послѣдней, и не выдѣляется особо изъ представленія этой дѣйствительности; лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ это сопровожденіе происходитъ въ образѣ формулированнаго или даже только доступнаго формулировкѣ «закона», большей же частью оно носитъ какъ бы характеръ текучести, чувства; даже тогда, когда въ нашей практической жизни мы явно прислушиваемся къ голосу долженствованія, мы при этомъ обыкновенно совсѣмъ не обращаемся къ пафосу

болѣе или менѣе общаго закона, но должное обладаетъ для насъ «качествомъ знакомости». Лишь конструированный изъ матеріала чистыхъ понятій моральный гомункулъ Канта постоянно аппеллируетъ къ высшей инстанціи закона. Фактически же это—исключеніе, нравственное мы знаемъ почти всегда непосредственно въ его примѣненіи къ нашему единичному случаю, или, вѣрнѣе, мы познаемъ его еще совершенно недифференцировано, внѣ раздѣленія, даже, пожалуй, внѣ возможности раздѣленія на законъ и его примѣненіе.—Но, правда, здѣсь умѣстенъ вопросъ: есть ли это долженствованіе, являющееся на ряду съ дѣйствительностью той формой, въ которой протекаетъ непрерывный жизненный процессъ,—есть оно на самомъ дѣлѣ или хотя бы всегда нравственное долженствованіе? Быть можетъ, понятое такимъ образомъ долженствованіе представляетъ собою гораздо болѣе общую форму, наполненную не только этическими оцѣнками, но также эвдемонистическими, объектными (sachlich), внѣшне-практическими, даже извращенными и антиэтическими. Я не буду противъ этого возражать, такъ же, какъ не буду спорить противъ утвержденія, что фактическое долженствованіе, какъ со стороны своей субъективной сознаваемости, такъ и со стороны того объективно-идеальнаго, что ее проникаетъ, слѣдуетъ разсматривать какъ весьма пеструю ткань всѣхъ такихъ цѣнностныхъ категорій. Даже если согласиться съ этимъ, то все же это ничуть не колеблетъ права разсматривать долженствованіе, поскольку оно именно этично, въ этой его особности и, исходя изъ него, развивать сущность долженствованія вообще. Что̀ есть этическое по своему качеству,—этого я не пытаюсь здѣсь опредѣлять, но предполагаю понятіе его для всѣхъ знакомымъ, дабы не осложнять этого изслѣдованія спорами объ его опредѣленіи.

Прибѣгая къ матеріальному образу, можно было бы слѣдующимъ основнымъ фактомъ символизировать наше пониманіе функціональной сущности долженствованія: надъ всякимъ человѣчески-душевнымъ существованіемъ или въ немъ самомъ какъ бы незримыми чертами вписанъ идеалъ его самого, образъ должнаго его бытія. Откуда бы ни выводилъ я то, что я долженъ дѣлать,—изъ объектныхъ взаимоотношеній вещей или изъ внѣ меня возникшихъ законовъ,—въ послѣднемъ счетѣ или въ началѣ всего все-таки мнѣ вѣдь надлежитъ это сдѣлать, это относится къ кругу моихъ обязанностей, обликъ вѣдь моего существованія станетъ чрезъ совершеніе или несовершеніе этого болѣе или менѣе цѣннымъ. Если отвергать этотъ смыслъ индивидуальности, отнюдь не сводящійся къ качественной несравнимости: порожденіе долга изъ незамѣнимаго, неповторимаго средоточія личности или, что въ данной связи одно и то же, изъ цѣлостности живого я,—то я не вижу,

какимъ образомъ можно притти къ идеѣ отвѣтственности въ подлинномъ смыслѣ этого слова, этому сокровенному центру этической проблемы.

Пока отдѣльный поступокъ требуется на основаніи своего собственнаго матеріальнаго значенія (опять таки предполагая даже, что онъ понимается какъ моральное намѣреніе, а не какъ внѣшнедоброе дѣло), ему недостаетъ полной, идеально-генетической связанности со всею жизнью своего творца; отвѣтственность тогда лишена единаго фундамента: ибо для этого законъ долженъ исходить изъ того самаго послѣдняго жизненнаго источника, которому ставится требованіе его осуществленія. Къ тому же утвержденіе, что долгъ коренится въ цѣлостности индивидуальной жизни, влечетъ за собою гораздо болѣе радикальную объективность, чѣмъ та, которой можетъ достичь раціональный моралізмъ. А именно его представленіе, будто всякій безусловно знаетъ свой долгъ и будто долгъ и есть какъ разъ то, что всякій признаетъ за таковой,—связано съ тѣмъ, что онъ не знаетъ никакого другого долженствованія, кромѣ какъ реализуемаго волей. Онъ не можетъ себѣ представить того, чтобы мы должны были *быть* такими-то, должны были чувствовать такъ-то и т. д., короче—чтобы нѣчто, что не можетъ быть объектомъ законосообразнаго велѣнія, должно было быть. Но если понимать долженствованіе какъ идеальный рядъ жизни, то тогда очевидно, что всякое бытіе и всякое бываніе этой жизни имѣетъ свой идеалъ, т.-е. форму, выражающую, каковой эта часть жизни должна быть. Впрочемъ, это послѣднее выраженіе неточно, ибо одно и то же содержаніе не можетъ долженствовать быть инымъ, чѣмъ оно есть,—ибо тогда оно было бы вѣдь уже другимъ, существованіе одного и того же содержанія въ двухъ видахъ есть логическая безсмыслица. Но все существованіе *должно* быть такимъ-то и такимъ-то, все равно, какова его дѣйствительность, и лишь въ силу, правда неизбѣжнаго, отрыва отдѣльныхъ кусковъ становится возможнымъ одну отдѣльную часть дѣйствительнаго ряда противопоставлять одной отдѣльной части ряда идеальнаго и утверждать: первая должна быть таковой, какъ послѣдняя. Повторяемъ: *цѣлое* должно быть такимъ-то и такимъ-то, разъ уже дана опредѣленная индивидуальность. Долгъ обладаетъ очевидно гораздо болѣе рѣшительной, опредѣляемой гораздо болѣе обширной координатной системой объективностью, разъ даже чисто волевой его смыслъ оказывается опредѣленнымъ не только въ предѣлахъ его частной области, но въ связи съ идеальной сферой всей личной жизни въ ея цѣлостности.

Лишь изъ такого внутренне единаго, хотя безусловно и не поддающагося никакой абстрактной формулировкѣ, нормированія жизненной

цѣлостности могутъ вообще получаться отдѣльныя долженствованія, не укладывающіяся въ рамки категорическаго императива и тѣмъ паче болѣе матеріальныхъ общихъ законовъ: всѣ тѣ долженствованія, которыя относятся къ текучимъ, подвижнымъ, измѣнчивымъ, не выражаемымъ никакими понятіями жизненнымъ содержаніямъ и положеніямъ, которыя могутъ быть только пережиты въ своей цѣлостности или въ своихъ оттѣнкахъ, но никоимъ образомъ не формулированы, и которыя поэтому совершенно не пригодны для того, чтобы быть расширенными до всеобщаго закона. Всѣ такія переживанія, не поддающіяся формѣ всеобщей максимы, остаются внѣ предѣла досягаемости категорическаго императива и подпадаютъ подъ совершенно проблематическую категорію ἀδιάφορα или анархіи. Не могу отрицать, что какъ оборотную сторону кантова моральнаго ригоризма я часто испытывала именно совершенно анархическую безпомощность предъ лицомъ логически не схематизируемыхъ жизненныхъ моментовъ, не говоря уже о жизненномъ цѣломъ. Но законъ индивида, развертывающійся изъ того же самаго корня, изъ котораго вырастаетъ и его — быть можетъ, совершенно отличная отъ него — дѣйствительность, обхватываетъ собою любую, аналитически или синтетически получающуюся, часть жизни, потому что онъ не что иное, какъ сама эта жизнь, вздымающаяся, какъ долженствованіе во всей ея цѣлостности и центральности. Поэтому имѣющійся здѣсь въ виду принципъ не можетъ быть формулированъ, напр., слѣдующимъ образомъ: что для одного грѣхъ или добродѣтель, не есть еще грѣхъ или добродѣтель для другого. Это только внѣшность или слѣдствіе. Ибо уже это «что» есть вѣдь съ самаго начала, а не только потому, что оно впослѣдствіи оцѣнено какъ грѣхъ, въ одномъ случаѣ нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ въ другомъ. Только внѣшній эффектъ, а не внутреннее этическое есть «то же самое». Si duo faciunt idem— эта посылка уже сама по себѣ настолько ложна, что нѣтъ нужды пріискивать для нея вывода.

Сколько бы вы также ни нагромождали санкцій раціональнаго, предметнаго, соціальнаго рода, и какъ бы ни были сами по себѣ эти санкціи правильны,—все же поступокъ становится моимъ долгомъ лишь послѣ включенія его въ опредѣленные всѣмъ моимъ реальнымъ обликомъ ряды долженствованія. Ибо нельзя привести ни одного поступка, ни одного общаго закона, которому отказать въ признаніи не было бы при извѣстныхъ обстоятельствахъ нашимъ безусловнымъ долгомъ [1]), т.-е. нѣтъ ни одного поступка и закона, объектный составъ котораго не подчинялся бы, какъ высшей своей инстанціи, слѣ-

[1]) Срв. мои: «Vorlesungen über Kant», 3 изд. стр. 116.

дующему вопросу: м о й ли это долгъ, принадлежитъ ли это объективно-идеальной формѣ м о е й жизни? Рѣшеніе и тогда даже остается за смысломъ и констелляціями всей моей совокупной жизни, когда оно требуетъ, напр., жертвы самой этой жизнью; ибо и смерть взять на себя можетъ только живущій. Но это значитъ, что если всѣ отдѣльныя содержанія нашихъ обязанностей и происходятъ изъ названныхъ сферъ, то во всякомъ случаѣ рѣшеніе относительно нихъ не можетъ быть сложено изъ нихъ самихъ, не можетъ быть составлено изъ какого-угодно большого числа о т д ѣ л ь н ы х ъ цѣлей и нормировокъ, но остается достояніемъ единства и непрерывности жизни.—Надо только понимать, что связь эта не есть здѣсь просто эмпирическая дѣйствительность—ибо изъ дѣйствительнаго, какъ такового, можно выводить опять таки лишь дѣйствительное, но никогда, не совершая μετάβασις εἰς ἄλλο γένος, не т р е б о в а н і е. Форма требованія должна съ самаго начала уже лежать въ основѣ вывода, т.-е. жизнь должна первоначально уже протекать также и въ категоріи долженствованія—все равно, въ какой хронологической точкѣ въ развитіи эмпирическаго сознанія оно бы ни появлялось. Или, выражаясь иначе: всякое долженствованіе есть функція соотвѣтствующей цѣлостной жизни индивидуальной личности.

Отсюда становится также яснымъ (что я впрочемъ отмѣчаю лишь какъ побочное слѣдствіе), въ какомъ смыслѣ «послѣдовательность» поведенія можетъ имѣть значеніе цѣнности. Большей частью она понимается въ объективномъ смыслѣ: какъ будто бы ситуація, задача, имѣвшее мѣсто развитіе требуютъ въ качествѣ слѣдствія изъ своего логическаго состава того способа дѣйствія, который является «послѣдовательнымъ», и который поэтому долженъ быть предъявляемъ субъекту какъ нравственное требованіе. Но всегда ли этотъ поступокъ послѣдователенъ для даннаго именно индивида, — это остается совершенно сомнительнымъ. Послѣдовательность е г о природы ведетъ, быть можетъ, (слѣдуя одинаковой или опять таки индивидуальной логикѣ) къ совсѣмъ иному поступку; и это несмотря на то, что указанные объектные ряды могутъ быть элементами именно этого существа, вливая свою послѣдовательность въ его послѣдовательность, дѣлая ее его послѣдовательностью.

Здѣсь пріобрѣтаетъ большое значеніе одно отношеніе душевной жизни, на которое въ этикѣ, пожалуй, еще недостаточно обращали вниманія. Каждый поступокъ нашъ есть продуктъ всего человѣка, а не только, какъ то полагаетъ раціональная мораль, чистаго я или я чув-

ственнаго. Такъ какъ раціональная мораль (Vernunftmoral) разсматриваетъ поступокъ лишь со стороны его отдѣльнаго содержанія, то этотъ послѣдній исключаетъ въ своей логической опредѣленности всѣ остальные (для всякаго механистическаго раціонализма omnis determinatio est negatio)—и тѣмъ самымъ также и жизненную цѣлостность. Ибо даже съ замѣной внѣшняго поступка умонастроеніемъ (Gesinnung), этой какъ бы кратчайшей линіей между поступкомъ и абсолютнымъ я,—все богатство эмпирической личности, не захватываемое этой линіей, остается здѣсь внѣ всякаго—какъ фактическаго такъ и этическаго—отношенія къ поступку. Ибо здѣсь человѣкъ оцѣнивается лишь постольку, поскольку онъ совершилъ именно этотъ поступокъ, а не поступокъ, поскольку онъ совершенъ именно этимъ человѣкомъ. Даже болѣе того: къ изолированному нормированію отдѣльнаго поступка (т.-е. къ общему закону относительно содержанія) можно притти лишь чрезъ такое исключеніе цѣлаго человѣка. И обратно, такое выдѣленіе и уединеніе поступка ведетъ къ построенію чистаго, абсолютнаго, трансцендентальнаго или трансцендентнаго я, являющагося его коррелатомъ. Но въ дѣйствительности это примѣнимо лишь къ логизированному и механизированному представленію о душевной жизни, и все это совершенно отпадаетъ, если въ каждомъ отдѣльномъ поступкѣ видѣть лишь новую, обогащающую жизнь возможность, раскрытіе и изображеніе цѣлостнаго существованія. Необъяснимое въ раціональной морали отношеніе между абсолютнымъ, въ сущности неживымъ, я и отдѣльными измѣнчивыми поступками становится тогда тотчасъ же органически единымъ. Отдѣльный поступокъ не исключаетъ, но включаетъ въ себя тогда эту цѣлостность. Какъ ни недостаточно наше знаніе для того, чтобы показать это въ частностяхъ, все же основное метафизическое чувство здѣсь слѣдующее: каждое особое существованіе безостаточно выражаетъ на своемъ особомъ языкѣ всю цѣлостность бытія. Это приводитъ насъ къ основному противорѣчію (Spannung) внутри понятія жизни. Противорѣчіе это глубоко заложено и требуетъ своего разрѣшенія. Жизнь, какъ космическій фактъ, имѣетъ форму безостановочнаго скольженія, она переходитъ отъ родящаго къ рожденному и продолжается непрерывно. Уже понятіе связи органическихъ существъ не вполнѣ сюда подходитъ, такъ какъ оно предполагаетъ нѣкоторую самостоятельность существъ, которая только уравновѣшивается и преодолѣвается протекающей сквозь нихъ жизнью. На самомъ же дѣлѣ жизнь есть единый потокъ, котораго каплями являются отдѣльныя существа; онъ не протекаетъ сквозь нихъ, но ихъ существованіе есть не что иное, какъ только его теченіе. И вотъ въ томъ-то и заключается загадка, что изъ всѣхъ явленій міра какъ разъ одни только живыя существа суть индивиды, они

только представляютъ собою относительно замкнутыя въ себѣ формы и круговращенія (на ряду и во всемъ своемъ взаимодѣйствіи съ окружающей средой), они одни лишь суть единства, сохраняющія себя таковыми въ измѣнчивыхъ судьбахъ своихъ и преобразованіяхъ. Итакъ, жизнь являетъ намъ величайшую непрерывность, носимую и выражающуюся однако въ величайшей прерывности. Она—единство, въ которомъ совершенно противорѣчиво было бы ставить грани и выдѣлять отдѣльныя частичныя единства,—и вмѣстѣ съ тѣмъ единство это состоитъ сплошь изъ существъ, вращающихся вокругъ собственныхъ центровъ, и притомъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ выше и зрѣлѣе занимаемая ими въ лѣстницѣ жизни ступень: съ развитіемъ жизни въ душу мы все болѣе и болѣе ощущаемъ, съ одной стороны, ея крайнюю сконцентрированность, какъ бы высшую ея жизненность—но именно здѣсь также и высшую индивидуальность отдѣльнаго существа, самое крайнее, до отрыва отъ всеобщаго потока жизни доходящее самодовлѣніе. Здѣсь предъ нами дуализмъ категорій, благодаря которымъ становится вообще возможнымъ трактовать фактъ жизни,—дуализмъ, проникающій собою всѣ формы жизни, начиная съ ея логическихъ и метафизическихъ глубинъ вплоть до чисто практическихъ проблемъ, какъ напр. проблема сочетанія самостоятельности индивида какъ цѣлаго, съ положеніемъ его, какъ простого члена въ общественной жизни. Вытекающія отсюда содержанія этической задачи особенно рѣзко отграничиваютъ ее отъ произведенія искусства. Послѣднее есть безусловно замкнутое въ себѣ образованіе, принявшее форму самодовлѣнія и совершенно изъятое изъ всякой сплетенности съ міровымъ бываніемъ (въ которомъ стоитъ лишь его матерія). Органическій же индивидъ, стремясь къ такому же завершающему отношенію всей своей периферіи къ своему центру, есть вмѣстѣ съ тѣмъ часть, переходная точка, членъ нѣкоторой охватывающей его связи. Эту двойственность внутренняго и внѣшняго устремленія, индивидуальнаго жизненнаго строя и сверхъ индивидуальной соборной жизни, можно назвать типической трагедіей организма. Парадоксъ этики, пожалуй, наиболѣе общимъ образомъ резюмирующій ея содержаніе, въ томъ и состоитъ, что субъектъ единъ, не отмѣняя однако общей связи, что онъ предается тому, что больше, чѣмъ онъ самъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ остается самимъ собой. Постольку стремленіе этики и состоитъ въ томъ, чтобы примирить трагедію организма. Наиболѣе очевидная возможность достичь этого дается, пожалуй, представленіемъ, что каждое живое существо есть осуществленіе и изображеніе всей вообще жизни въ ея цѣломъ—конечно, не въ ея протяженіи, но въ ея значеніи, въ ея внутренней сущности, при чемъ каждое раскрываетъ жизнь на свой особый ладъ,

своимъ особымъ, индивидуальнымъ, незамѣнимымъ образомъ. Вѣрно, что по своей природѣ и по своей судьбѣ каждый отдѣльный человѣкъ несравнимъ съ другимъ человѣкомъ. Но различія эти суть не что иное, какъ только различные тона, въ которыхъ разыгрывается именно въ этой точкѣ природа и судьба всего человѣчества—и даже шире—всей соборной жизни вообще. Въ томъ именно и состоитъ характеръ и форма жизни, что въ каждомъ индивидѣ она налицествуетъ цѣликом*ъ*, но въ каждомъ, однако, въ столь своеобразномъ видѣ, что тѣмъ самымъ дано уже и различіе одного индивида отъ другого, непреступаемая замкнутость и самодовлѣніе каждаго изъ нихъ. То, что мы имѣемъ здѣсь въ виду, не есть просто біогенетическій законъ повторенія родового развитія въ развитіи индивида; законъ этотъ, касающійся лишь порядка и общаго характера стадій жизненнаго процесса, есть лишь частичное выраженіе болѣе обширнаго представленія, согласно которому въ каждомъ твореніи живетъ вся цѣлостность жизни, весь ея смыслъ, все ея метафизическое бытіе: ибо разъ она вообще пребываетъ въ индивидѣ, то она уже пребываетъ въ немъ цѣлик*омъ*. По аналогіи съ этимъ слѣдуетъ также и мыслить въ каждой отдѣльной душѣ отношеніе ея цѣлостности къ тому, что называется ея «отдѣльнымъ» поступкомъ. Такъ какъ, съ одной стороны, жизнь обладаетъ дѣйствительностью лишь въ настоящій моментъ, съ другой же стороны—моментъ этотъ не есть нѣчто изолированное, уединенное, но находится въ абсолютно непрерывной связи со всѣми другими моментами, то ясно, что каждое жизненное мгновеніе, каждый отдѣльный поступокъ, каждое дѣйствіе есть вся жизнь въ ея цѣломъ. Жизнь не есть самостоятельная, оторванная цѣлостность, которой каждое отдѣльное дѣйствіе противостояло бы въ идеальной отрѣшенности. Но въ томъ и состоитъ своеобразная, никакимъ механистическимъ сравненіемъ не исчерпываемая форма жизни, что она въ каждомъ своемъ мгновеніи есть вся эта цѣлостная жизнь, сколь многообразны и взаимно противоположны ни были бы содержанія этихъ мгновеній. Не оторванный кусокъ жизни, а вся цѣлокупность ея подымается до того или иного поступка. Быть можетъ, яснѣе всего это сказывается тамъ, гдѣ мы сводимъ наше поведеніе на общія существенныя черты характера. Когда мы называемъ, напр., какого-нибудь человѣка скупымъ, то очевидно не скупость его скупа, а весь человѣкъ въ цѣломъ, при чемъ въ остальномъ онъ можетъ быть храбрымъ, чувственнымъ, умнымъ, меланхоличнымъ и т. д.—весь эт*отъ* человѣкъ скупъ. Поэтому въ каждомъ отдѣльномъ поступкѣ, который мы называемъ скупымъ, содержится весь человѣкъ, точно такъ же какъ и въ каждомъ другомъ, представляющемся намъ умнымъ или храбрымъ или чувственнымъ. Каковой бы ни

была жизнь въ тотъ или иной изъ своихъ моментовъ, она всегда наличествуетъ во всей своей реальности, и надо совершенно игнорировать сущность жизни, чтобы видѣть въ ней единство и цѣлостность лишь постольку, поскольку въ ней воспринимается качественное равенство, которое затѣмъ пытаются получить путемъ смѣшенія всѣхъ матеріальныхъ различій ея моментовъ, т.-е. путемъ выведенія средняго момента, или пытаются найти его въ «чистомъ» я, т.-е. въ отвлеченіи отъ всѣхъ вообще матеріальныхъ различій. Категорія цѣлаго и части, правомѣрная по отношенію къ мертвой природѣ, непримѣнима вообще къ жизни, въ особенности же къ индивидуальной душевной жизни. Въ лучшемъ случаѣ она примѣнима лишь ко времени, въ которомъ протекаетъ жизнь, т.-е. къ пустой линейной временной схемѣ, получающейся тогда, когда изъ жизни вычеркнуть, такъ сказать, всю жизнь. Внутри этой схемы имѣются правда «куски» и части, вырѣзанныя изъ цѣлаго, отдѣленныя другъ отъ друга рѣзкими гранями. Но именно поэтому части эти не могутъ даже служить символами для протекающей въ абсолютной, нераздѣльной непрерывности жизни. Эта внутренняя связность жизни, столь чуждая отличающей время дѣлимости, означаетъ не только рядоположность связи между болѣе раннимъ и болѣе позднимъ, т.-е. необходимость для того, чтобы отъ одной точки достичь другую, пройти всѣ промежуточныя точки, но прошлое кромѣ того воздѣйствуетъ на настоящее непосредственно, минуя все то, что лежитъ по срединѣ, какъ бы поверхъ его головы, оно течетъ вмѣстѣ съ нимъ, образуя съ нимъ нераздѣльное, постоянно мѣняющееся единство—подобно тому, какъ въ картинѣ каждое отдѣльное красочное пятно стоитъ въ отношеніи не только къ сосѣднему съ нимъ пятну, но къ любому другому пятну того же полотна, откуда и возникаетъ та сѣть противоположностей, синтезовъ, подъемовъ, которую мы называемъ «необходимостью» художественнаго произведенія, и которая есть не что иное, какъ неотъемлемость каждой его части, потому что каждая другая часть есть именно эта опредѣленная часть, и притомъ взаимно: каждая часть художественнаго произведенія есть то, что она на этомъ мѣстѣ есть, лишь въ силу того, что каждая другая часть есть то, что она есть, такъ что значеніе каждой части включаетъ въ себя въ извѣстномъ смыслѣ все художественное произведеніе въ цѣломъ. Но даже и это сравненіе лишь очень несовершенно, и такъ сказать, лишь очень неопредѣленно приближается къ тому, что своеобразная форма жизни принципіально выполняетъ безъ всякаго остатка и въ совершенномъ единствѣ, а именно къ тому, что жизнь дѣйствительно цѣликомъ присутствуетъ въ любомъ настоящемъ моментѣ. Что эти «настоящіе моменты» взаимно исключаютъ другъ друга, съ

одной стороны будучи раздѣленными во времени «кусками», съ другой стороны—въ силу противорѣчивости своихъ содержаній, что они такимъ образомъ противятся тому, чтобы быть каждый разъ всей жизнью,—это слѣдуетъ приписать дѣйствію различныхъ точекъ зрѣнія, прилагаемыхъ къ жизни извнѣ. Я показалъ уже это относительно разложенія во времени. Между 6 и 7 часами, конечно, протекаетъ «кусокъ» моей жизни, къ которому отъ 7 до 8 часовъ примыкаетъ другой: такъ что каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ мою жизнь лишь pro rata, вся же жизнь въ цѣломъ слагается изъ нихъ. Но если не смотрѣть на жизнь извнѣ, а исходить изъ нея самой, то мы увидимъ, что это распаденіе на куски не есть нѣчто объективное, заложенное въ самой структурѣ жизни. Непрерывность ея нельзя выразить иначе, какъ сказавши, что каждый съ особой точки зрѣнія разсмотрѣнный и постольку лишь особый моментъ есть вся жизнь въ цѣломъ, ибо форма этого цѣлаго, его единство, и состоитъ именно въ томъ, чтобы изживать себя въ чемъ-то, что во внѣшнемъ временномъ аспектѣ должно быть названо множествомъ. Пантеизму, полагающему, что единая цѣлостность бытія присутствуетъ въ каждой ея части (тоже неадэкватный терминъ), соотвѣтствуетъ то, что можно было бы назвать панбіотизмомъ. Не иначе обстоитъ дѣло и съ качественной различностью жизненныхъ частей. Что я разлагаю свое поведеніе то на скупое или расточительное, то на храброе или трусливое, то на умное или глупое,—это исходитъ отъ абстрактныхъ категорій, совершенно не связанныхъ съ жизненнымъ процессомъ и противостоящихъ ему въ объектной систематикѣ. Конечно, въ самомъ этомъ жизненномъ процессѣ имѣются матеріальныя различія, благодаря которымъ онъ вызываетъ примѣненіе то одной, то другой категоріи. Но истинную свою сущность состояніе это получаетъ не отъ понятій скупости или расточительности, храбрости или глупости, а отъ непрерывнаго и безпрестанно измѣнчиваго жизненнаго потока. Здѣсь еще разъ самымъ рѣзкимъ образомъ обнаруживается различіе между абстрактно-всеобщимъ и витально-индивидуальнымъ міропониманіемъ. Для платонизирующей точки зрѣнія (составляющей предпосылку этики «всеобщаго закона») «храбрый» поступокъ есть экземплифицирующее осуществленіе понятія «храбрость»; лишь поскольку онъ покрывается тѣмъ или инымъ понятіемъ, есть онъ вообще поступокъ; оттуда, а не изъ жизни, біеніемъ пульса которой онъ является, приходитъ къ нему его сущность. Можно отрицать трансцендентно-субстанціализирующія выраженія Платона, согласно которымъ человѣкъ, поступая храбро, причаствуетъ идеѣ храбрости,—основной мотивъ все же остается тотъ же. Въ отношеніи своего смысла, своей оцѣнки, объемлющей его связи, поступокъ попрежнему

является не какъ цѣлое, сейчасъ такъ именно осуществляющаяся жизнь индивида, а какъ осуществленіе понятія храбрости. Происходя отъ описываемыхъ понятіями содержаній дѣйствія, любое мгновеніе жизни является (конечно въ предѣлахъ послѣдней) лишь простымъ кускомъ, который только совмѣстно съ другими (такъ, напр., разумное съ чувственнымъ, практическое съ теоретическимъ, индивидуалистическое съ соціальнымъ) образуетъ всю жизнь въ цѣломъ. Такой способъ разсмотрѣнія несомнѣнно нуженъ и полезенъ, потому что какъ для дѣйствія, такъ и для познанія жизнь обыкновенно имѣетъ значеніе лишь благодаря своимъ отношеніямъ къ такимъ реальнымъ и идеальнымъ рядамъ и цѣнностямъ и благодаря своимъ въ соотвѣтствіи съ нимъ получающимся результатамъ. Но если взойти къ источнику, дающему дѣйствительно начало поступку, то поступокъ оказывается отнюдь не «дѣломъ храбрости» (этому полупоэтическому словоупотребленію соотвѣтствуетъ, однако, по раціонализму нѣкоторое реальное основаніе), нѣтъ, онъ есть сейчашняя дѣйствительность этой цѣлостной жизни и поэтому, поскольку рѣчь идетъ объ этической отвѣтственности, онъ долженъ быть обсуждаемъ и оцѣниваемъ съ точки зрѣнія того, что являетъ въ этомъ мѣстѣ цѣлокупное долженствованіе всей жизни—чего впрочемъ не должно смѣшивать съ простымъ «пониманіемъ» этого поступка, которое касается исключительно лишь его дѣйствительности. (Хотя и пониманіе также, по совершенной аналогіи съ оцѣнкой, должно было бы исходить не изъ «сущности храбрости», а изъ всей совокупности жизни, подымающейся въ настоящій моментъ именно до этого поступка). Поэтому-то именно долженствованіе, будучи направлено на точку отвѣтственности, не опредѣлимо согласно всеобщему закону. Конечно, храбрость, какъ таковая, есть добро, и скупость, какъ таковая, есть зло, и въ качествѣ всеобщаго закона можно было бы только желать, чтобы одна была, а другая бы не была. Но каково значеніе названныхъ поступковъ въ ряду индивидуальной жизни, точнѣе: что означаютъ они какъ эта жизнь (такъ какъ они являются вѣдь лишь мгновенными изображеніями ея цѣлостности и потому могутъ быть оцѣниваемы лишь со стороны совокупнаго ея долженствованія)—это тѣмъ самымъ еще не опредѣлено. Отсюда уясняется этическое значеніе тѣхъ цѣлей, на которыхъ мы такъ подробно остановились выше: каждый поступокъ есть продуктъ цѣлаго человѣка, а не хотя бы самой утонченнѣйшей душевной способности, въ концѣ концовъ всегда приводящей къ порочному кругу, т. е. къ утвержденію, что наше скупое поведеніе происходитъ отъ нашей скупости, а храброе поведеніе отъ нашей храбрости. Всеобщій законъ, который, даже будучи формальнымъ, на практикѣ долженъ всегда претвориться въ матеріальный,

опредѣляетъ цѣлаго человѣка, исходя при этомъ изъ сверхжизненнаго, сверхъиндивидуальнаго значенія отдѣльныхъ раціонализованныхъ содержаній поведенія; онъ вообще не можетъ, какъ это теперь слѣдуетъ съ особенной очевидностью, дѣлать иначе, но онъ пользуется при этомъ негоднымъ средствомъ, потому что требованіе свое онъ выставляетъ, исходя не изъ прожитой цѣлостности человѣка, а изъ абстрактности изолированнаго содержанія. Напротивъ, очерченная нами здѣсь бѣгло мысль сводится къ тому, что человѣкъ, въ мыслимой какъ единая непрерывность цѣлостности своего существа, нѣчто долженъ, что ему надлежитъ осуществить данный вмѣстѣ съ этой жизнью идеалъ себя самого, сущность котораго, конечно какъ и сущность всякой жизни, состоитъ въ томъ, чтобы развертывать безпрестанно мѣняющіеся, логически даже, быть можетъ, противорѣчащіе другъ другу поступки. Это требованіе отнюдь не сводится къ общему «доброму умонастроенію» (Gesinnung), которое для своего индивидуально-практическаго выформленія нуждается еще въ дальнѣйшихъ нормахъ. Согласно принципу, что каждый поступокъ есть продуктъ цѣлаго человѣка, отдѣльное дѣйствіе нравственно опредѣляется здѣсь именно всѣмъ человѣкомъ въ цѣломъ,—не дѣйствительнымъ, а должнымъ человѣкомъ, который, такъ же какъ и дѣйствительный, данъ вмѣстѣ съ индивидуальной жизнью. Изъ нея, изъ этой индивидуальной жизни, а не изъ своей проецированности въ отвлеченную всеобщность, надлежитъ поступку черпать свое долженствованіе; это для него логически необходимо, потому что идеальная непрерывность жизни (такъ какъ это — жизнь) осуществляется исключительно лишь въ возведеніи (Sich Heben) всей ея цѣлостности къ именуемымъ конечно въ отдѣльности содержаніямъ поведенія.

Конечно, во всякое данное мгновеніе рѣчь идетъ всегда лишь о какомъ-нибудь отдѣльномъ нравственно требуемомъ поступкѣ. Но нравственно требуется онъ лишь въ силу своей принадлежности къ цѣлостной идеально предначертанной жизни. Ибо долженствованіе предполагаетъ всегда возможность (такъ или иначе понимаемую) соотвѣтствія или несоотвѣтствія ему нашей дѣйствительности. И вотъ, можно вполнѣ себѣ представить, что вся жизнь въ цѣломъ, распускаясь изъ той же почки, была бы иной, чѣмъ дѣйствительная жизнь. Но чтобы отдѣльный поступокъ былъ инымъ, нежели какимъ онъ совершенъ, — это абсолютно безсмысленно; тогда онъ былъ бы вѣдь уже другимъ, а не тѣмъ же поступкомъ. Ибо отдѣльный поступокъ, какъ отдѣльный, выдѣленъ изъ цѣлостной органической жизненной связи, онъ подчиненъ поэтому механической точкѣ зрѣнія, такъ что для него обладаетъ значимостью положеніе: est ut est aut non est. Только органи-

ческое существо, и особенно душа, поскольку она всегда живетъ какъ цѣлое, можетъ, будучи иной, оставаться все «той же». Отсюда старинныя представленія, что мы хотя и свободны въ цѣломъ нашей жизни, но частности ея предопредѣлены. Это лишь иное выраженіе для того, что и долженствованіе есть цѣлостность, изъ которой отдѣльный поступокъ не можетъ быть выдѣленъ до замкнутой въ себѣ самоотвѣтственности.

Отсюда не только получается невозможность возвести какую-нибудь отдѣльную опредѣленную цѣль въ принципіальное и наивысшее, всѣхъ индивидовъ связующее содержаніе долженствованія, но нѣчто еще болѣе важное и болѣе основное, а именно: что долженствованіе вообще не происходитъ отъ цѣли. Не отъ цѣли идя, но изъ насъ самихъ должны мы; долженствованіе, какъ таковое, не есть телеологическій процессъ. Это, конечно, касается не содержанія долженствованія, которое, напротивъ, постоянно стоитъ подъ категоріей цѣли: несчетное число разъ должны мы дѣлать себя средствами для цѣлей, которыя выходятъ за узкіе предѣлы отдѣльнаго существованія, и по сравненію съ которыми мы, какъ самоцѣли, вообще ничего не значимъ. Но то, что мы это должны, что отъ насъ требуется это въ категоріи долга, само это обстоятельство не зависитъ уже снова отъ цѣли, которой мы служимъ фактичностью нашего дѣйствованія. Правда, съ точки зрѣнія внѣшнихъ, окружающихъ насъ силъ и это обстоятельство не автономнаго, а телеологическаго характера: общество, церковь, профессіональный или семейный кругъ налагаютъ на насъ всѣ эти обязанности безкорыстныхъ, съ отреченіемъ отъ личныхъ интересовъ связанныхъ, дѣйствій, являющихся средствами для цѣлей названныхъ образованій. — Но изъ того, что нѣчто отъ насъ требуется, еще совсѣмъ не слѣдуетъ, что это нѣчто есть нравственно должное, ибо, какъ требованіе, нравственно должное не можетъ быть различено отъ недолжнаго. Итакъ, что одно требованіе имѣетъ для насъ значеніе долга, другое же — нѣтъ, — рѣшить это, не впадя въ circulus vitiosus, нельзя, исходя изъ цѣлей, которымъ служитъ содержаніе долга. Это можно лишь принять, какъ непосредственный, изъ глубинъ самой жизни выросшій фактъ, хотя и абсолютно выходящій за предѣлы дѣйствительнаго ряда жизни. Отношеніе средствъ и цѣлей касается дѣйствительности—все равно, будутъ ли это внѣшнія связи или воленіе какъ столь же реальный фактъ, — и само по себѣ оно не отмѣчено печатью долженствованія. То, что въ дѣйствіи нравственно, не можетъ быть, какъ таковое, средствомъ (Mittel) — хотя содержаніе его и дѣлаетъ насъ часто простымъ по-средствующимъ членомъ (Mittelglied) соціальныхъ, культурныхъ, духовныхъ,

религіозныхъ рядовъ, — не отрываясь отъ своего сущностнаго корня и не разрѣшаясь въ связь отдѣльныхъ объективныхъ событій.

Это удаленіе телеологіи изъ долженствованія необходимо для того, чтобы по возможности уяснить основную нашу мысль, а именно: что долженствованіе есть идеальный жизненный процессъ, а не излученіе внѣшнихъ, уединенныхъ содержаній. Кантъ съ совершенной ясностью понялъ послѣднее, т. е. невозможность санкціонировать долженствованіе содержаніемъ долга. Но онъ былъ слишкомъ еще плѣненъ категоріей цѣли, почему и рѣшился на смѣлый шагъ — сдѣлать нравственность, долженствованіе, какъ цѣлое, конечной цѣлью жизни. Но пришпиливая долженствованіе ко всеобщему закону, онъ тѣмъ самымъ снова дѣлаетъ иллюзорнымъ только что достигнутое освобожденіе нравственнаго отъ всякаго характера средства. А именно: отождествляя долгъ со всеобщей, т.-е. логически-абстрактной значимостью содержаній поведенія, Кантъ включаетъ его въ свое раціоналистическое міросозерцаніе, въ результатѣ чего долгъ является средствомъ для осуществленія разумнаго идеала, какъ строя реальнаго существованія. Этотъ идеалъ логически-космической структуры, доминирующій надъ кантовскимъ духовнымъ міромъ, не можетъ быть проведенъ въ опытной дѣйствительности. Для общихъ законовъ, носящихъ здѣсь эту структуру, эмпирически лишь данныя, индивидуальныя спецификаціи являются чѣмъ-то далѣе неразрѣшимымъ: они могутъ быть лишь приняты какъ фактъ, но не объяснены изъ законовъ. Въ сферѣ же этическаго, зависящаго всецѣло отъ духа, нѣтъ необходимости въ этомъ отреченіи отъ логическихъ притязаній; суверенная здѣсь воля *можетъ* преобразовывать свой міръ согласно этимъ притязаніямъ. Этого именно требуетъ отъ нея Кантъ, и ирраціональная фактичность просто даннаго исчезаетъ предъ той безусловной, покорной оформляемостью, которой волевыя событія обладаютъ для разума съ его логическими общезначимостями. Эти послѣднія и должны именно даровать міру форму, при чемъ сдѣлать это онѣ могутъ только здѣсь, гдѣ все чувственное, данное, индивидуальное, остающееся въ теоретической области непроницаемымъ для разума, возводится въ абсолютную всеобщность практическаго закона. Здѣсь такимъ образомъ обнаруживается, что и категорическій императивъ тоже охваченъ телеологіей, что и въ немъ долженствованіе (ибо ему предначертана общезначимость его содержанія) становится простымъ средствомъ, конечная цѣль котораго: содѣйствовать осуществленію логизированнаго, раціонально закономѣрнаго міра. Съ точки зрѣнія этого послѣдняго мотива и категорическій императивъ тоже не дѣйствительно категориченъ, но зависимъ отъ того, желаемъ ли или должны мы стремиться къ логическому міру, ибо лишь

въ качествѣ средства для послѣдняго можетъ быть онъ оправданъ— точно такъ же, какъ и истинность кантова теоретическаго апріори обусловлена тѣмъ, что мы признаемъ значимость опытнаго знанія, и рушится тогда, когда мы по тѣмъ или инымъ основаніямъ или безъ всякихъ основаній эту значимость отказываемся признать. И здѣсь также изъ-за того факта, что дѣйствованіе наше по своему индивидуально-нравственному содержанію неоднократно подчиняетъ насъ высшимъ, болѣе общимъ цѣлямъ, мы становимся склонными уже и само долженствованіе, какъ долженствованіе, подчинять этой далекой идеальной цѣли, обосновывая сущность его изъ этого подчиненія, т.-е. изъ чего-то ему трансцендентнаго.

Итакъ, даже и кантова этика, которая несомнѣнно свободнѣе и величественнѣе всѣхъ другихъ этическихъ ученій возвышается надъ сингулярностью этическихъ принциповъ, не проникаетъ до подлинной автономіи долженствованія. Чтобы достичь ея, долженствованіе должно радикально покончить со своимъ мнимымъ происхожденіемъ отъ какихъ бы то ни было противостоящихъ жизни содержаній и ихъ логическихъ обобщеній — вплоть до самаго тонкаго, самаго очищеннаго формализма. Будучи формой каждой индивидуальной жизни, координированной съ формой ея дѣйствительности, оно, правда, воспринимаетъ въ себя всѣ возможныя внѣшнія ему сплетенія и связи; ибо всякіе соціальные и положенные судьбою, всякіе раціональные и религіозные, всякіе отъ тысячи условій среды происходящіе узы, побужденія, импульсы воздѣйствуютъ вѣдь и на самое жизнь. Соотвѣтственно полнотѣ и формѣ, которыя жизнь получаетъ отъ нихъ, опредѣляется каждый разъ ея долгъ. Но долгъ этотъ остается ея долгомъ лишь постольку, поскольку онъ есть актуальный моментъ единой цѣлостности такъ-то и такъ-то опредѣленной идеальной жизни. Подобно тому, какъ дѣйствительная жизнь вздымается каждый разъ какъ реальное настоящее мгновеніе, точно такъ же и долженствованіе индивидуальной жизни вообще вздымается какъ насущный (jeweilig) долгъ.

Итакъ, нѣтъ ничего нашей мысли болѣе чуждаго, чѣмъ выставленіе новаго «моральнаго принципа». Подобно тому, какъ простое мышленіе не въ силахъ показать намъ, что есть въ дѣйствительности, точно такъ же не можетъ оно показать, что должно. Цѣль нашего очерка—лишь исходя изъ факта долженствованія, какъ даннаго, найти для него въ нашемъ «понятіи о мірѣ» мѣсто, которое бы болѣе соотвѣтствовало его содержанію, чѣмъ всѣ попытки получить его изъ

матеріи или изъ формальныхъ отношеній его содержаній. Во всѣхъ этихъ попыткахъ выражается убѣжденіе въ томъ, что, когда рѣчь идетъ о требованіи, идеалѣ, спасеніи, необходимо выйти изъ жизни въ иную, противоположную жизни сферу, и что содержанія поведенія, если ихъ оформить въ самостоятельныя значимости и цѣнностныя системы, повидимому обезпечиваютъ этотъ выходъ. Въ совершенномъ расхожденіи съ этимъ шла основная линія нашего воззрѣнія: только долженствованіе и дѣйствительность—но оба въ качествѣ формъ жизни—образуютъ коррелятивную противоположность, а не долженствованіе и жизнь. Отсюда становится понятнымъ, почему должная жизнь принципіально можетъ быть познана лишь тѣмъ же способомъ, что и дѣйствительная жизнь (при чемъ для установленія обѣихъ остается еще достаточно вторичныхъ и, такъ сказать, техническихъ различій и трудностей), и почему всѣ попытки вывести долженствованіе изъ противоположнаго жизни абстрактнаго апріори должны были потерпѣть крушеніе. Такъ какъ, далѣе, жизнь протекаетъ только въ индивидахъ, то моральное нормированіе, по своему понятію и своему внутреннему принципу, индивидуально. Вотъ во что такимъ образомъ вылилась наша мысль, что отождествленіе закона и всеобщаго закона, господствующее во всей этикѣ и развитое у Канта до чистой абстракціи, быть можетъ, все же не обладаетъ той логической и самоочевидной необходимостью, на которую оно притязаетъ.

Продолжая развивать эту мысль, мы естественно придемъ къ дальнѣйшимъ расчлененіямъ, вообще говоря, слитыхъ вмѣстѣ понятій, къ дальнѣйшимъ открытіямъ «третьей возможности» тамъ, гдѣ до сихъ поръ этическое образованіе понятій являло лишь альтернативы. Нравственное требованіе кажется зависящимъ въ своей санкціи отъ слѣдующаго рѣшенія: или оно есть то, что въ субъективномъ сознаніи, въ личномъ рѣшеніи совѣсти представляется должнымъ; или оно происходитъ отъ объективнаго начала, отъ сверхъиндивидуальнаго установленія, получающаго значимость отъ своего объектно-абстрактнаго состава. Въ противоположность этой альтернативѣ я думаю, что существуетъ еще третья возможность: объективное долженствованіе именно этого индивида, исходящее изъ его жизни и направленное къ его жизни требованіе, принципіально не зависящее отъ того, правильно ли онъ самъ познаетъ его или нѣтъ. Здѣсь опять-таки требуется новое раздѣленіе и новый синтезъ понятій: индивидуальное не должно быть необходимо субъективнымъ, объективное не есть необходимо сверхъиндивидуальное. Рѣшающее значеніе напротивъ пріобрѣтаетъ понятіе: объективность индивидуальнаго. Съ существованіемъ опредѣленно индивидуализированной жизни дано также и ея идеальное долженство-

ваніе, какъ объективно значащее, при чемъ какъ субъектъ самой этой жизни, такъ и другіе субъекты могутъ имѣть о немъ истинныя и ложныя представленія. По сравненію съ собственнымъ субъектомъ жизни другіе находятся, правда, въ менѣе благопріятномъ положеніи, поскольку лежащая въ основѣ долженствованія жизнь извѣстна имъ лишь по ея явленію въ формѣ дѣйствительности, тогда какъ собственный субъектъ знаетъ о ней болѣе непосредственнымъ образомъ такъ, что для его сознанія форма долженствованія жизни развивается въ сущности одновременно и въ постоянномъ сопутствіи съ формой ея дѣйствительности. Но дѣйствительной гарантіи того, что субъективная совѣсть не ошибается, и не можетъ быть, хотя предметъ ея и выформленъ изъ индивидуальной жизни—ибо потому-то онъ и объективенъ, какъ объективна сама эта жизнь. Анализъ одного простого примѣра подтвердитъ, какъ это образованіе понятій воздѣйствуетъ на этическую проблематику. Представимъ себѣ антимилитариста, проникнутаго убѣжденіемъ въ томъ, что война и военная служба есть безусловное зло и уклоняющагося отъ исполненія воинской повинности не только со спокойной совѣстью, но со святой вѣрой, что этимъ онъ совершаетъ нравственное добро, безусловный долгъ. И вотъ, если его поведеніе тѣмъ не менѣе подвергается осужденію, если выполненіе названнаго притязанія на него со стороны государства требуется какъ нравственное, такъ какъ совершенно безразлично, что́ онъ по этому поводу субъективно думаетъ—то я не представляю себѣ, какъ при отрицаніи «заблуждающейся совѣсти» можно разрѣшить это положеніе. Но точно такъ же совершенно недостаточно просто сослаться въ данномъ случаѣ въ качествѣ санкціи на государственный строй и на salus publica. Ибо фактъ существованія его какъ грубой силы, которой важно лишь выполненіе ея требованія, а не внутренняя сторона покоряющагося ей субъекта, не означаетъ еще самъ по себѣ нравственнаго требованія, къ нему направленнаго. И если бы всѣ земные и небесные законы окружили человѣка, предъявляя ему свои притязанія,—то все же вѣдь онъ долженъ ихъ выполнить, и, разъ рѣчь идетъ о нравственныхъ дѣйствіяхъ, то притязанія эти должны, какъ таковыя, исходить изъ него, должны раскрывать заложенное въ его бытіи долженствованіе. Всякое требованіе, приходящее къ нему извнѣ, хотя бы изъ самаго идеальнаго и самаго цѣннаго издалека, можетъ быть лишь матеріаломъ подлинно нравственнаго долженствованія, оно должно быть сначала санкціонировано имъ въ качествѣ именно для этого человѣка нравственнаго. Опираясь на этотъ базисъ, не допускающій никакихъ компромиссовъ и никакихъ уступокъ, я во всякомъ случаѣ полагаю, что упомянутый антимилитаристъ въ самомъ дѣлѣ морально обязанъ къ исполненію воинской повинности, хотя его субъективное нравственное сознаніе и

отвергаетъ ее. Ибо индивидуальность, являющаяся какъ долженствованіе, не есть вѣдь нѣчто неисторическое, лишенное всякой матеріи, она не состоитъ только изъ такъ называемаго «характера». Напротивъ, она включаетъ въ себя въ качествѣ не могущаго быть опущеннымъ момента или въ значительной мѣрѣ опредѣляется тѣмъ, что человѣкъ этотъ—гражданинъ такого-то опредѣленнаго государства. Все, что его окружаетъ и что онъ когда-либо пережилъ, сильнѣйшія влеченія его естества и мимолетнѣйшія впечатлѣнія—все это участвуетъ въ формировкѣ жизненнаго потока его личности, и изо всего этого въ равной мѣрѣ рождается какъ дѣйствительность, такъ и долженствованіе. Изъ абсолютно индивидуальной жизни этого человѣка (ибо только индивидуальная жизнь вообще мыслима), къ которой относится также и его принадлежность къ данному государству, вырастаетъ поэтому его долгъ военной службы, какъ безусловно объективная надстройка или пристройка къ его дѣйствительности. Знаетъ ли онъ этотъ свой долгъ, признаетъ ли онъ его или игнорируетъ,—для объективности самого долга это совершенно безразлично, точно такъ же какъ для дѣйствительности его существа безразлично, правильно или ложно онъ о ней судитъ. Для упрощеннаго языка обыденной жизни, конечно, вполнѣ достаточно, если военная служба объясняется нравственно должной «потому, что государство ее требуетъ». Но для послѣдняго этическаго вопроса, исходящаго изъ подлиннаго центра человѣческой отвѣтственности, этого оправданія недостаточно. Это требованіе государства дѣйствуетъ лишь постольку, поскольку принадлежность къ государству столь тѣсно сплетается съ фактическимъ бытіемъ или жизнью индивида, что долженствованіе, въ идеально-этической формѣ котораго жизнь эта протекаетъ, включаетъ въ себя выполненіе этого требованія — но тогда оно уже также абсолютно независимо отъ всего субъективнаго [1]).

[1]) Изъ этого примѣра ясно также, что, переходя отъ всеобщихъ законовъ къ индивидуальнымъ, я отнюдь не хочу принципіально отвергать высказываемыя первыми с о д е р ж а н і я. Закрѣпляемыя въ понятіяхъ и до жизни индивида уже предсуществующія содержанія дѣлаются въ концѣ концовъ элементами и отношеніями внутри этой жизни, ассимилируются ею, подобно тому какъ тѣло ассимилируетъ входящую въ него пищу, изъ которой оно и образуется. Опредѣленной такимъ образомъ жизни неоднократно поэтому придется принимать въ свои изъ нея самой выростающія требованія также и всѣ тѣ требованія, которыя предъявляются намъ со стороны упомянутыхъ содержаній въ ихъ раціональной и общественной, религіозной и государственной, харитативной и метафизической абстрактной оторванности: по своему содержанію и результату логика жизни, совпадетъ съ логикой всѣхъ этихъ областей. Этическіе принципы расходятся лишь въ вопросѣ, исходитъ ли долженствованіе, какъ этическое, изъ жизни, или въ качествѣ уже этическаго оно извнѣ подступаетъ къ ней,—при чемъ по-

Рѣшающимъ однако является то, что индивидуальная жизнь не есть нѣчто субъективное; не теряя своей ограниченности сферою именно этого индивида, она какъ этическое долженствованіе безусловно объективна. Ложная сращенность между индивидуальностью и субъективностью должна быть точно такъ же упразднена, какъ и между всеобщностью и понятіемъ закона. Освобожденныя такимъ образомъ понятія могутъ теперь образовать новый синтезъ между индивидуальностью и законосообразностью. Возникающую здѣсь какъ бы техническую трудность познавать это въ идеальной сферѣ жизни иротекающее долженствованіе, какъ таковое,никто не будетъ отрицать. Но не меньшія трудности угрожаютъ и тогда, когда долженствованіе выводится непосредственно изъ состава внѣ-индивидуальныхъ цѣнностей, точно также со своей стороны нуждающихся въ дедукціи, или когда всѣ вопросы рѣшаются коротко и просто указаніемъ на непогрѣшимость субъективной совѣсти.

Выше я показалъ, что подлинный смыслъ обладающаго для всѣхъ значимостью закона есть объективность въ развитіи его содержанія: именно потому, что цѣнность этого содержанія довлѣетъ себѣ въ чисто логической послѣдовательности, пребывая въ себѣ и для себя въ идеальной своей объектности, именно потому она и есть для всѣхъ значащее долженствованіе, независимо отъ того, являются ли эти «всѣ» индивидами и какими. Но я не вижу теперь, почему эта же объективность не должна быть присуща закону, родившемуся изъ подлинной и цѣлостной жизни того, для кого онъ обладаетъ значимостью. Данность этой индивидуальной жизни есть посылка и для столь же строгаго и надъ всякимъ субъективнымъ произволомъ возвышающагося нормативнаго вывода (Sollensfolgerung). Только количественнымъ выраженіемъ этой объективности служитъ уже не значимость для любого числа индивидовъ, а значимость именно лишь для этой индивидуальной жизни. Правда, здѣсь еще остается открытымъ вопросъ, на всю глубину котораго я могу только бѣгло указать. Въ существенномъ жизнь мы знаемъ лишь въ обѣихъ этихъ формахъ: какъ она есть и какъ она должна быть. Это—апріорныя категоріи, которыми жизнь должна быть оформлена для того, чтобы мы могли ее постичь, и внѣ которыхъ, въ чистой ея непосредственности, постиженіе ея намъ недоступно. Я оставляю здѣсь открытымъ вопросъ, можемъ ли мы говорить объ этой жизни лишь

слѣднее воззрѣніе, раздѣляется, какъ я уже указывалъ, также и «раціональной моралью». Ибо понятіе «автономіи» лишь покрываетъ собою ея предпосылку, что разумъ субъекта есть какимъ-то образомъ претворенная въ насъ и нами представленная логика содержаній, которая однако идеально или метафизически сама по себѣ автономна, т.-е. существуетъ внѣ субъекта.

какъ объ абстракціи или мы, быть можетъ, обладаемъ ею въ глубочайшемъ чувствѣ жизни или нашего я, въ томъ абсолютно темномъ, какъ бы свободно витающемъ чувствѣ, которое не есть уже болѣе чувство о чемъ-нибудь, въ которомъ, иначе говоря, процессъ и его содержаніе никоимъ образомъ не могутъ быть болѣе раздѣлены. Нѣсколько яснѣе проблема эта станетъ тогда, когда удареніе будетъ поставлено болѣе на индивидуальность жизни. Ибо здѣсь качество играетъ рѣшающую роль, и мы всегда можемъ мыслить качества независимо отъ вопроса, суть ли они или должны ли они (и какъ должны) быть. Изъ обѣихъ названныхъ категорій категорія дѣйствительности повидимому ближе всего стоитъ къ намъ, и поскольку мы вообще говоримъ объ индивидуальной жизни, стоящей по ту сторону обѣихъ своихъ категорій, мы получаемъ ее черезъ своего рода редукцію отъ дѣйствительностной формы ея. Такъ искусство постигаетъ вещи, отвлекаясь отъ ихъ дѣйствительности; но оно нуждается для этого въ тщательнѣйшемъ наблюденіи этой самой дѣйствительности, потому что только дѣйствительность есть та непосредственно предстоящая намъ форма, въ которой предаетъ себя намъ то недѣйствительное, что искусство зритъ. Поэтому, хотя и вѣрно, что знаніе дѣйствительности никогда не можетъ дать намъ требованія, предмета этики; но тѣмъ не менѣе оно совершенно необходимо, потому что, только исходя изъ него, возможно узрѣть или, по крайней мѣрѣ, обыкновенно становится возможнымъ узрѣть это подили сверхдѣйствительное, эту чистую индивидуальность жизни, которая въ другомъ своемъ измѣреніи, простирается также въ формѣ долженствованія. Но въ какой бы формѣ это послѣднее ни было представляемо или чувствуемо нами, всегда подымается вопросъ о количествѣ той формулы, которая ведетъ оттуда къ нашимъ этическимъ обязанностямъ: общая ли это формула, или также и это развитіе индивидуально и потому у каждаго индивида можетъ быть инымъ? (Такъ какъ одна посылка индивидуальна, то результатъ въ обоихъ случаяхъ остался бы индивидуальнымъ). Въ такой формулировкѣ проблема эта кажется сплошь вымученной и ненужной. Въ дѣйствительности, однако, она выражаетъ постоянно, хотя и фрагментарно, живое въ нашемъ нравственномъ сознаніи различіе. Даже будучи убѣждены въ томъ, что нашъ нравственный долгъ можетъ возникать только на основѣ нашей жизни, а не изъ до и независимо отъ нея существующей нормы, мы все же неоднократно ищемъ общей формы, согласно которой долгъ поддавался бы словно вычисленію въ качествѣ функціи этой жизни, и которая при всякомъ измѣненіи послѣдней оставалась бы тождественной. Съ другой стороны, однако, намъ кажется иногда, что наше долженствованіе не только по своему матеріалу (и тѣмъ самымъ также и по своему конечному со-

держанію) индивидуально, но что оно вообще не поддается такимъ путемъ конструкціи, ни даже реконструкціи; въ такомъ случаѣ кажется, что оно непосредственно возникаетъ изъ или, вѣрнѣе, въ качествѣ того (на э отъ разъ только идеально направленнаго) толчка, который означаетъ собою вообще нашу жизнь, и что поэтому, сколько внѣшняго и общаго матеріала оно бы себѣ ни ассимилировало, оно не воспримет въ себя ни одного формирующаго фактора, чуждаго его индивидуальности. Но, повторяю, я хочу здѣсь только указать на эту проблему, разрѣшить которую можно было бы лишь посредствомъ анализа тончайшихъ этическихъ структурныхъ отношеній.

Съ другой стороны необходимо здѣсь рѣшительнѣйшимъ же образомъ подчеркнуть, что бросающійся сразу въ глаза смыслъ индивидуальности—ино- и особобытіе, качественная несравнимость единичнаго—здѣсь *не при чемъ*. Не объ единичности, а о самостоятельности (Eigenheit), въ формѣ которой протекаетъ всякая органическая и тѣмъ паче всякая душевная жизнь, идетъ здѣсь рѣчь, о ростѣ изъ собственнаго корня. Что съ понятіемъ индивида связывается столько ложныхъ и неудовлетворительныхъ представленій, это объясняется именно тѣмъ, что содержаніе его часто усматривается лишь въ специфическомъ *различіи*, которымъ данный индивидъ отличается отъ общаго, раздѣляемаго имъ съ другими. Но это раздѣленіе совсѣмъ не затрагиваетъ индивида въ его дѣйствительной сущности. Напротивъ, послѣдняя есть живое единство, съ которымъ и въ которомъ сравнимые и несравнимые элементы совершенно координированы, почему они и сплетаются другъ съ другомъ безъ всякихъ внутреннихъ іерархическихъ различій и соединяются для совмѣстнаго дѣйствія. Индивидъ есть *цѣлый* человѣкъ, а не разница, остающаяся послѣ того, какъ отъ него отнято все то, что онъ раздѣляетъ съ другими. Правда, въ извѣстномъ смыслѣ невозможно обойтись безъ качественной единичности и при томъ именно потому, что каждое отдѣльное долженствованіе представляетъ собою всю личность въ цѣломъ, цѣлостная же жизнь, сколь много общаго ни было бы у нея съ другими, чувствуетъ себя вдвойнѣ несравнимой. Во-первыхъ,—въ глубочайшемъ личномъ слоѣ, о которомъ каждый недоказуемо, но и неопровержимо ощущаетъ, что онъ его ни съ кѣмъ не можетъ раздѣлять и никому не можетъ сообщить, качественное одиночество личной жизни, замкнутость которой съ развитіемъ саморефлексіи становится все чувствительнѣе. И на ряду съ этой словно точкообразной, на безусловно неэкстенсивной сторонѣ жизни сосредоточившейся индивидуальностью—совсѣмъ иная, какъ бы противоположная индивидуальность, индивидуальность всего объема нашего существованія: если даже во многихъ отдѣльныхъ ея отрѣзкахъ различные индивиды и

совпадаютъ между собой, то цѣлостность жизненнаго потока, съ дѣйствительно всѣми внѣшними и внутренними опредѣленіями его и событіями, безусловно не повторяется второй разъ. Область сравнимости, содержанія которой могутъ вообще дать матеріалъ для общихъ законовъ дѣйствительнаго и должнаго ряда, лежитъ какъ бы въ среднихъ слояхъ личности; какъ внутренне-центральное ея, такъ и феноменально-цѣлостное отмѣчено печатью несравнимаго, только однажды существующаго. Но какъ бы тамъ ни было понятая въ нашемъ смыслѣ автономія долженствованія этимъ не затрагивается, потому что неравенство съ другими такъ же мало можетъ ее обусловливать, какъ и — согласно кантову намѣренію — ея равенство съ другими. Постольку, какъ равенство, такъ и неравенство лежатъ въ одной и той же плоскости, — ибо увѣнчивающее индивидуальную жизнь или, вѣрнѣе, высящееся какъ индивидуальная жизнь долженствованіе по своему внутреннему смыслу стоитъ по ту сторону всякаго сравненія — совершенно независимо отъ результата, къ которому послѣднее приводитъ. Качественное дифференцированіе этическаго поведенія вообще не такъ уже противоположно принципу всеобщаго закона, какъ это съ перваго взгляда кажется. Вполнѣ возможно было бы даже мыслить себѣ въ качествѣ всеобщаго закона, чтобы каждый долженъ былъ вести себя абсолютно иначе, чѣмъ любой другой. (Этика Шлейермахера, вообще романтическая этика лежитъ въ этомъ направленіи). Но такъ какъ и этотъ законъ предписывалъ бы опредѣленное (хотя бы только in abstracto) и извнѣ приходящее содержаніе поступка, онъ потому именно принципіально отличался бы отъ индивидуальнаго закона, который, не имѣя о содержаніяхъ поведенія никакихъ предвзятыхъ сужденій, видитъ полную ихъ неизмѣримость въ понятіяхъ равенства или неравенства. Раздѣляющая грань должна быть проведена не тамъ, гдѣ ее обыкновенно проводятъ: не между равенствомъ или всеобщностью и индивидуальностью въ смыслѣ особаго бытія, а между содержаніемъ и индивидуальностью въ смыслѣ жизни. Ибо весь вопросъ въ томъ, должна ли норма опредѣляться со стороны того, откуда идетъ дѣйствіе, со стороны жизни, или со стороны того, куда направляется дѣйствіе, со стороны идеальнаго «извнѣ» жизни — содержанія. И та третья возможность, развернуть которую и составляло цѣль этого очерка, гласитъ: опредѣленіе чрезъ terminus a quo, со стороны жизни, не влечетъ въ путы натуралистически-реальной причинности, а сама эта жизнь протекаетъ не только какъ дѣйствительность, но и какъ идеальное требованіе, какъ долженствованіе; поэтому жизнь не должна болѣе извлекать этическія нормы изъ внѣшней по отношенію къ себѣ сферы (при чемъ по отношенію къ жизненной цѣлостности и «разумъ» оказался такой же внѣшней сферой), но она вклю-

чаетъ ихъ въ себя какъ собственный процессъ развитія, хотя и безразличный по отношенію къ протекающему какъ дѣйствительность потоку жизни.

Поэтому принципъ этотъ обладаетъ одинаковой значительностью какъ въ случаѣ такого равенства существъ, какое обусловливается всеобщимъ закономъ, такъ и въ случаѣ такого неравенства ихъ, какое дѣлало бы его совершенно непримѣнимымъ. Онъ совершенно исключаетъ поэтому мотивъ, ссылаясь на который индивидъ такъ часто (съ матеріальнымъ правомъ или безъ такового) пытается уклониться отъ власти всеобщаго закона: я, молъ, совершенно отличенъ отъ другихъ, я не подхожу подъ общую схему, для настоящаго случая не годится то, что годится для другихъ и т. д. Все это не имѣетъ здѣсь болѣе никакого значенія; если ты и совершенно отличенъ отъ другихъ, то это не значитъ, что для тебя, какъ и для всѣхъ другихъ, не существуетъ идеально предначертаннаго долженствованія, ибо оно исходитъ изъ твоей собственной жизни, а не изъ содержанія, обусловленнаго возможностью обобщенія и потому, быть можетъ, дѣйствительно и не обнимающаго твоего случая. Тамъ, гдѣ индивидуальность и законъ противопоставлены другъ другу, индивидъ всегда еще можетъ сказать: законъ не подходитъ мнѣ, это не м о й законъ.

Поскольку для исходящаго изъ содержаній поведенія закона вообще возможно избѣжать эту трудность, этого достигаетъ категорическій императивъ, потому что, благодаря высотѣ своей абстракціи, онъ, по крайней мѣрѣ принципіально, возвышается надъ всякимъ о т д ѣ л ь н ы м ъ апріорнымъ закрѣпленіемъ этическаго; только потому, что, желая стать конкретнымъ, онъ все же вынужденъ спеціализоваться и слѣдовательно прибѣгнуть къ такому закрѣпленію, а также потому, что онъ противится текучей формѣ жизни, которую онъ самъ же стремится опредѣлить, онъ не можетъ въ концѣ концовъ справиться съ упомянутымъ возраженіемъ. Послѣднее окончательно падаетъ лишь тогда, когда основная этическая противоположность, противоположность дѣйствительности и долженствованія, перестаетъ совпадать съ противоположностью индивидуальности и всеобщности и устанавливается внутри самого индивидуальнаго существованія; стоитъ только выяснить себѣ, что индивидуальность ничего общаго не имѣетъ съ субъективностью или произволомъ: если дѣйствительность—одна изъ тѣхъ формъ, въ которыхъ живетъ индивидуальность — обладаетъ объективностью, то не меньшей объективностью обладаетъ и другая ея форма—долженствованіе.

На самого субъекта опредѣленная такимъ образомъ этическая жизнь вообще не оказываетъ обратнаго воздѣйствія. Если уже съ дав-

нихъ поръ утверждалось, что этическая жизнь не можетъ ставить себѣ цѣлью собственное счастье, то это уже потому вѣрно, что счастье здѣсь всегда мыслится какъ цѣль дѣйствованія, тогда какъ основная этическая подвижность опредѣляется вообще не цѣлью, а изъ собственнаго корня растущей жизнью (даже если бы указуемыя ея содержанія и должны были всегда принимать цѣлевую форму). Кромѣ того это вѣрно также потому, что понятое такъ счастье представляетъ обратный рефлексъ дѣйствованія на субъекта, тогда какъ этическое дѣйствованіе никогда не протекаетъ по такой обратно заворачивающей линіи, а течетъ въ прямомъ, впередъ устремленномъ направленіи жизни, какъ таковой. Такъ что исключеніе эвдемонистическаго мотива есть лишь частный случай гораздо болѣе принципіальнаго опредѣленія. Въ виду этого даже опредѣленіе вырастающаго изъ индивидуальной жизни и надъ ея дѣйствительностью (но изъ самой этой жизни) воздвигающагося долженствованія, сознающаго себя въ своей противоположности «общему» оправданію своихъ отдѣльныхъ, въ себѣ разсмотрѣнныхъ содержаній, даже опредѣленіе его какъ «свершенія собственной личности» вызывало бы уже сомнѣнія. Ибо поскольку личное свершеніе есть несомнѣнно также объективная цѣнность, оно не только превращается въ отдѣльное содержаніе долженствованія, на ряду съ которымъ (именно потому, что оно отдѣльное и a priori указуемое) всѣ другія содержанія обладаютъ одинаковою правомѣрностью; но въ немъ лежала бы также только что отвергнутая выше наивная недифференцированность, а именно, что исходящее изъ индивидуальной жизни идеальное образованіе должно будто бы вернуться къ ней назадъ вмѣстѣ со своимъ содержаніемъ. Напротивъ, долженствованіе можетъ, не отрекаясь отъ своего источника и даже имъ гонимое, излиться въ соціальныя, альтруистическія, духовныя, художественныя формы и видѣть въ нихъ каждый разъ свою конечную цѣль; несчетное число разъ свершаетъ жизнь свой исконный, лишь своимъ индивидуальнымъ корнемъ питаемый идеалъ себя самаго, свершаетъ тѣмъ, что удаляется отъ себя самой, отмѣняетъ сама себя. Если кто-нибудь желаетъ во что бы то ни стало называть это свершеніемъ собственной личности, то это не болѣе какъ титулъ, но ни въ коемъ случаѣ не этически рѣшающая цѣль, такъ какъ ожидаемая здѣсь санкція вообще не можетъ исходить изъ terminus ad quem, а лишь изъ terminus a quo, изъ вмѣстѣ съ самой жизнью двпжущагося идеала себя самого.

Это витализированіе и индивидуализпрованіе этическаго до того чуждо всякому эгоизму и субъективизму, что оно не только не приноситъ съ собою никакого облегченія нравственнаго притязанія, но даже, наоборотъ, скорѣе ограничиваетъ область «смягчающихъ обстоя-

тельствъ». Многіе наши поступки, которые въ изолированномъ разсмотрѣніи представляются простительными грѣхами, пріобрѣтутъ всю свою тяжесть тогда, когда мы уяснимъ себѣ, что все наше существованіе привело къ нимъ и что они въ свою очередь, быть можетъ, навѣки опредѣлятъ наше существованіе—критерій, который однако обладаетъ значимостью лишь для этой индивидуальной жизни и, будучи обобщенъ на любую другую, не абсолютно тождественную съ моею жизнь, лишается всякаго смысла. И далѣе: мы отвѣтственны не только за то, что мы подчиняемся или не подчиняемся существующему закону, но уже за то, что законъ этотъ обладаетъ для насъ значимостью; ибо онъ обладаетъ значимостью для насъ лишь потому, что мы есмы эти опредѣленныя я, бытіе которыхъ такъ или иначе измѣняется всякимъ совершившимся поступкомъ, измѣняя вмѣстѣ съ тѣмъ и самый идеалъ долженствованія, постоянно изъ него истекающій. Это каждое мгновеніе совершающееся развитіе долженствованія подобно развитію теоретическихъ цѣнностей. Что нѣчто обладаетъ для насъ значимостью истины,—это зависитъ отъ всего комплекса признанныхъ нами въ это мгновеніе принциповъ, методовъ и содержаній опыта, связь которыхъ съ новымъ познаніемъ эта послѣдняя и узаконяетъ. Но разъ узаконеніе это совершилось, то новый присоединившійся элементъ измѣняетъ такъ или иначе этотъ составъ, при чемъ измѣненіе это рѣдко остается чисто количественнымъ; вполнѣ возможно, что на ряду съ опредѣленіями, поведшими къ принятію его на основаніи упомянутыхъ выше критеріевъ, онъ будетъ содержать въ себѣ и другія, которыя, въ силу того, что онъ принятъ вѣдь какъ цѣлое, также обладаютъ значимостью истины и постольку такъ или иначе развиваютъ дальше или видоизмѣняютъ цѣлокупность истинъ. Такимъ образомъ всякое новое ищущее узаконенія положеніе имѣетъ дѣло уже съ измѣненной системой критеріевъ. А это, въ болѣе принципіальной формулировкѣ, означаетъ: всякая признанная истина измѣняетъ условія, на основаніи которыхъ она сама была признана истиной. Совершенно то же можно сказать и о развитіи долженствованія нашей жизни. Тѣмъ самымъ, что въ потокѣ нашей жизни, оформляясь всѣмъ предыдущимъ его теченіемъ, всѣми его критеріями и содержаніями, воздвигается въ качествѣ нравственнаго долженствованія новый элементъ, самый этотъ потокъ становится въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи уже инымъ: ближайшій новый моментъ этой этической жизни находитъ уже другія условія своего возникновенія и значимости, чѣмъ тѣ, при которыхъ возникъ и обрѣлъ значимость только что минувшій и измѣнившій потокъ жизни моментъ. Отсюда, конечно, трудности этическаго рѣшенія. Сколь облегчается рѣшеніе это господствомъ одного общезначимаго, разъ навсегда прочно нормирующаго закона! Такъ

и оріентированіе жизни гораздо легче достигается при патріархальномъ деспотизмѣ, чѣмъ при автономіи свободнаго человѣка. Благодаря тому, что текучая оформленность жизни выступаетъ какъ долженствованіе, и тѣмъ самымъ абсолютное въ долженствованіи становится въ этомъ смыслѣ абсолютно историческимъ, нормирующая строгость нравственнаго требованія пріобрѣтаетъ небывалую силу; она опускается много глубже того слоя, въ которомъ до сихъ поръ этика только и искала отвѣтственности человѣка: а именно, дѣйствительно ли поступаетъ онъ согласно существующему долженствованію. Но, какъ мы видѣли, это оказывается недостаточнымъ, потому что и долженствованіе есть уже наша собственная жизнь (въ категоріи идеальности), и, подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто и въ категоріи реальности, каждое актуальное долженствованіе оформлено и обусловлено всѣми моментами пережитой до сихъ поръ жизни. *Уже въ долженствованіи* (Gesolltwerden) *каждаго отдѣльнаго поступка лежитъ отвѣтственность за всю нашу исторію.*

Этимъ замыкается картина жизненной непрерывности въ обѣихъ ея разсмотрѣнныхъ нами здѣсь въ ихъ координированности формахъ. Если, какъ я говорилъ, жизнь характеризуется тѣмъ, что въ любое мгновеніе она какъ цѣлое есть любой свой моментъ, и несравнимый видъ ея единства состоитъ именно въ томъ, что полная матеріальная противоположность этихъ моментовъ не мѣшаетъ имъ представлять личную жизнь во всей ея цѣлостности, что всякое отношеніе и всякій поступокъ есть «вся жизнь въ цѣломъ»,—то обусловливающее присутствіе всего прошлаго въ актуальномъ долженствованіи есть лишь иное выраженіе для того же самаго отношенія. И опять таки то же самое отношеніе, только выраженное какъ бы въ иномъ измѣреніи, имѣемъ мы тогда, когда предъ лицомъ каждаго отдѣльнаго долженствованія, противостоящаго намъ въ видѣ формулируемаго закона, мы чувствуемъ: такъ должны мы поступить въ этомъ отдѣльномъ случаѣ, потому что какъ цѣлые люди мы должны поступать опредѣленнымъ (хотя уже не формулируемымъ абстрактно) образомъ. И въ долженствованіи тоже цѣлое опредѣляетъ часть, цѣлое живетъ въ части. Такой индивидуально-всеобщій законъ вѣроятнѣе всего не поддается закрѣпленію въ понятіяхъ. Послѣднее возможно лишь для тѣхъ болѣе единичныхъ правилъ, которыя воздвигаются въ результатѣ столкновенія его съ отдѣльными данными событіями и положеніями. Но отъ этого этотъ законъ индивидуально-цѣлостнаго этическаго поведенія обладаетъ не меньшей значимостью и дѣйственностью, чѣмъ его антиподъ въ области дѣйствительности: тотъ неописуемый стиль и ритмъ личности, тотъ основной ея жестъ, который всякое ея, данными факторами вызванное, проявленіе

дѣлаетъ чѣмъ-то неотъемлемо именно ей принадлежащимъ. Хотя мы никогда не можемъ схватить его въ чистомъ видѣ, а всегда лишь по поводу матеріально-единичнаго поступка, какъ формирующую этотъ послѣдній силу, мы все же знаемъ, что въ немъ жизненно проявляетъ себя глубочайшая бытійная опредѣленность индивида. Что, соотвѣтственно этому, и цѣлостность долженствованія индивидуальной личности безусловно опредѣляетъ всякое отдѣльное ея долженствованіе, — это лишь этическая формулировка того, что жизнь есть въ каждое мгновеніе своя цѣлокупность. Такимъ образомъ воздается должное многообразію этическихъ положеній и развитій, но точно также полное свое признаніе получаютъ единство, постоянство, послѣдовательность нравственнаго притязанія, которыя этика всеобщаго закона тщетно пыталась найти въ механической, во времени длящейся прочности тѣхъ или иныхъ *содержаній* нравственно-цѣнностной области (при этомъ даже простая *форма* всеобщаго закона оказывается въ этомъ смыслѣ содержаніемъ и вынуждена неизбѣжно претворяться въ таковое).

Итакъ, тѣмъ, что «индивидуальный законъ» (какимъ бы впрочемъ терминомъ ни называть то, что имѣется нами здѣсь въ виду) обращаетъ вообще направленіе долженствованія, выводя его не изъ жизненныхъ содержаній, а изъ жизненнаго процесса, онъ какъ бы въ двухъ измѣреніяхъ распространяетъ нормативное требованіе за предѣлы той сферы, которую указалъ ему Кантъ и въ сущности вся моральная философія. Все измѣнчивое и въ своемъ смыслѣ единственное, текущее въ жизненной непрерывности безъ точныхъ граней, не поддающееся никакому подчиненію подъ заранѣе существующій законъ, такъ же какъ и абстрактному сублимированію во всеобщій законъ,—все это отнынѣ получаетъ надъ собой долженствованіе, ибо это послѣднее само есть жизнь и сохраняетъ ея непрерывную форму. И именно потому, что долженствованіе не противостоитъ жизни, какъ разъ навсегда откристаллизовавшаяся неподвижность, все то, что мы когда-либо совершили и что мы когда-либо должны были совершить, есть условіе, при которомъ наша этически-идеальная жизнь вздымается волною насущнаго долженствованія. Подобно тому, какъ всякое біеніе пульса живого существа обусловлено всѣми его предшествовавшими біеніями, точно такъ же и здѣсь ничто не пропадаетъ въ этомъ потокѣ жизни, который не только дѣйствіе, но также и долженствованіе каждаго мгновенія дѣлаетъ наслѣдникомъ и отвѣтчикомъ за все то, чѣмъ мы когда-либо были, что совершали и чѣмъ должны были быть. Этимъ только завершается та дифференціація, какъ бы освобожденіе элементовъ, сліяніе которыхъ въ этикѣ Канта послужило исходнымъ пунктомъ для даннаго очерка: что только *дѣйствительное*, а не идеально-нор-

мативное можетъ быть индивидуальнымъ и только всеобщее, а не индивидуальное — закономѣрнымъ, — вотъ тѣ соединенія, которыя сначала намъ предстояло столь долгимъ путемъ разорвать для того, чтобы затѣмъ уже могло совершиться соединеніе понятій индивидуальности и закона.